

**АЛЕКСАНДР
ВОРОНЕЦКИЙ**

**ИНОГДА
И ДИЛЕТАНТА
ПОЛЕЗНО
ВЫСЛУШАТЬ**

Александр Воронецкий Иногда и дилетанта полезно выслушать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24430390

Иногда и дилетанта полезно выслушать:

ISBN 9785000648551

Аннотация

В геологическом поселке погибает молодой парень, из недостатков которого можно отметить лишь излишнее увлечение девушками. С учетом этого увлечения, милиция обрабатывает версии преступления, но результата нет. Один из геологов начинает свое расследование, и прекрасно зная всех из окружения убитого, находит среди них человека, способного на многие подлости, а потом и косвенные доказательства того, что лично он убийство не совершал, но участвовал в его организации как член преступной группы. А из кого эта преступная группа состояла, чем занималась, почему решила на убийство, какие оставила свидетельства преступления и как оказалась за решеткой – вы узнаете из книги.

Содержание

Введение в тему	5
Часть 1	14
В поле пора!	18
Экскурсия на карьер – для всех интересная, для геологов полезная, для некоторых скоро станет трагической	25
Часть 2	32
Праздник на носу!	32
Любовные страсти на фоне праздничных мероприятий	39
Часть 3	57
Трагедия. Любовный роман кончается убийством	57
Подозреваемые на виду, но они ли преступники?	70
Часть 4	78
Подозрительная находка в степи	78
Пропажа у электроразведчиков	83
Важные улики	91
Часть 5	101
Кандидаты в подозреваемых	101
Часть 6	115
Суждение друзей о последствиях любовных	115

страстей не прибавило подозреваемых в
преступлении

Конец ознакомительного фрагмента.

120

Воронецкий Александр Васильевич Иногда и дилетанта послезно выслушать

Введение в тему

День обещал сплошные приключения. Насчет отдельных, ради которых наша авантюра, честно говоря, и планировалась, я очень надеялся. И к встрече с ними готовиться начал сразу, как только устроился в кабине Уазика. Ожидания были приятны, хотя в мыслях червячек сомнения ехидно улыбался и советовал не обольщаться, по крайней мере до вечера.

А до него впереди целый день, и прекрасно зная по жизни, что приятного всегда меньше, чем негатива, не сомневался в другом: без приключений, которые находим как говорится "на свою задницу", о чем позже в лучшем случае предпочитаем промолчать, а в худшем выплеснуть эмоции ненормативной лексикой, обойтись мы не сможем точно.

Они и начались с рассвета, когда солнце только-только оторвалось от горизонта, а Уазик сполз с ведомственного ас-

фальта в колеи проселка, заполненные тысячекратно перемолотой, перелопаченной колесами машин пылью. Причем ее столько, что ступи ногой – субстанция расступится, словно вода, кое-где может и в сапог влиться через верх голенища. Ну а в кабине машины ее всегда предостаточно, и говорить не стоит.

Долго тряслись по этой безнадеги, пыль глотая и слаженно дергаясь на колдобинах и ухабах, очень надеясь не травмировать шею или еще какую часть тела. Пересекали холмистое предгорье, и пока дорога была приемлемой. По крайней мере для меня как геолога, который точно по таким ежедневно наматывал десятки километров, добираясь на работу в поле. Попутчики так не считали. И если Михаил, опер местного отделения милиции, только тяжело вздыхал, делая паузы между такой демонстрацией негативных эмоций все короче и короче, то рядовой этого же отделения, наш шофер, что-то непере译имое бормотал вроде как для себя, но все чаще бросал в мою сторону отнюдь не ласковые взгляды. А для этого ему приходилось здорово крутить шею – я-то сидел на заднем сиденьи.

Слава богу, впереди все масштабней вырастали громады горного массива, которому в наших планах отводилась главная роль. Горы это горы, и если до и после них с нашего проселка были отвороты в сторону, объезды и возможность проехать по бездорожью, то в них самих проезд единственный, в одну колею. И даже не для всех транспортных средств – по

крайней мере легковым делать нечего.

Место, которое невозможно объехать, нам и требовалось. Но среди гор оно не устраивало – в нужную сторону, в данном случае вперед, не было необходимого обзора, очень для дела важного. Поэтому горный массив, шириной всего пять-шесть километров, мы заранее запланировали пересечь, где-то на его окончании, откуда хорошо просматривается простирающаяся далее равнина, и устроиться.

Наконец въехали в узкую щель, рассекающую первую горную гряду почти до подножья. Дальше проселок запетлял в хаосе скал, сорвавшихся со склонов глыб, заросших кустарником ям и промоин. Шофер еще крепче вцепился в руль, остальные ухватились руками кто за что смог, потому что под колесами теперь было сущее безобразие, назвать которое дорогой можно с большой натяжкой.

"Ну и местечко!" – не сдержался Михаил, – "И как это вы каждый день по таким буеракам катаетесь? Душу же вытряхивает!"

По буеракам, положим, геологи не катаются, нет надобности. Когда машина в твоем распоряжении и есть время, всегда найдется подъезд к нужному месту получше. Есть же поговорка: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет – ее мы всегда и придерживаемся. Но отвечать Михаилу не пришлось, водила это сделал за меня:

"Здесь не только душу – машину на запчасти растряхивает! Не дай бог сломается что! Как домой выбираться будем?"

Понятно, в мой адрес: завел людей черт те куда, и какому дураку кроме нас это нужно! Но Михаил меня поддержал:

"Ладно, не бухти!" – это он шоферу, – "Не на прогулке, по делу едем!" Обернулся назад: "Скоро на месте будем? Размяться пора, все тело как чужое!"

"Еще чуть-чуть, минут десять", – обнадежил опера; горный массив по моим прикидкам вот-вот кончался. Наконец выскочили на сглаженную седловину последней гряды.

"Стоп!" – скомандовал я, не имея на то права; главным у нас все же Михаил. Шофер послушно мгновенно тормознул. Разом распахнули двери и полезли из кабины – водила и я молча, Михаил с побряхтыванием.

"Слава богу, отмучились", – он глубоко и с удовольствием вздохнул, и тут же устроил приседания, разминая ноги. Шофер же открыл капот машины и непонятно для кого бурча начал ковыряться в двигателе.

"Здесь устроимся", – опер начал оглядываться после физзарядки, – "или ниже спустимся?"

"Можно и здесь", – решил и я с облегчением, проводив взглядом проселок, который от нас устремился вниз на равнину и прямой линией побегал к далекому горизонту, постепенно растворяясь в мареве перегретого воздуха и наконец совершенно исчезая среди выжженной бурой травы, редких зарослей тамариска и саксаула.

После разминки, обсудив все "за" и "против," чуть ниже седловины, откуда проселок просматривался идеально,

мы и устроились. Я – возле небольшого уступа с вертикальной стенкой: можно не только сидеть на камне, но и удобно откинуться на опору спиной. Михаил – рядом, на правом переднем сидении Уазика, которое не поленился отвинтить и протащить до нужного места. Шофер, рядовой милиции, толкался рядом, но машину поставили поперек проселка в двадцати метрах ниже на обратном, в сторону гор, склоне. С равнины ее невозможно заметить до последнего момента, пока не поднимешься на перегиб. А увидев – понять откуда: на дверцах зеленого Уази-ка бросалась в глаза голубая полоса с белыми буквами: "Милиция".

Теперь мы в засаде, в идеально выбранном для нее месте. Единственном, которое невозможно обойти или объехать на приличном пространстве от одного поселка, откуда мы выехали утром, до другого, впереди еще километрах в двадцати. Там, в долине единственной в округе речушки, уже потерявшей силу и из потока превратившейся в цепочку озер, плес, ям и просто приличных луж, всегда существовали заросли дикой конопли, которую, конечно, не оставляли без внимания наркоманы и любители легкой наживы.

Добираться до бесплатного зелья из наших мест любители могли по другому – сделав гигантский крюк, зато по асфальту. Однако возвращаться назад с товаром, т. е. "травкой", той дорогой было опасно: в трех стационарных пунктах постоянно дежурили работники милиции, устраивавшие капитальный осмотр всех транспортных средств. О диком наркотике

право-охранительные органы знали, и конечно, в силу возможностей боролись с этим злом.

Мы же забрались в глушь и безлюдье, потому что я ухитрился убедить Михаила: вчера машина за зельем ушла по асфальту, а сегодня с товаром должна возвращаться назад. По этому проселку, где рядом ни людей, ни милиции, но сейчас обосновались мы, в засаде.

Ждем машину, с визуально различимыми признаками принадлежности к определенной службе. Если расчеты верны и она появится – на равнине ее различим издали и успеем приготовиться: с глаз долой сиденье, на котором Михаил блаженствует; предупредить рядового, чтобы перестал дремать и приготовил автомат; самим затаиться между камней. Меня и Михаила шофер, конечно, не заметит, выскочит на верх седловины. Вот здесь и поймет, кто его ожидает, но объехать Уазик невозможно из-за развалов камней по обеим сторонам проселка. Да и милиционер стоит, с автоматом, готов открыть огонь. Резко сдать назад тоже не получится – я и опер подскочим к проселку и перекроем его уже сзади машины. И если я только статист – без оружия и в гражданке, то Михаил – с автоматом и в форме капитана милиции. Надеемся, до стрельбы дело не дойдет, но между собой решили в крайнем случае, при попытке прорваться, по движку машины лупануть. Если сразу не заглохнет, то и далеко не уйдет: водичка из пробитого радиатора вытечет, движек заклинит.

Вот такие дела. И все бы хорошо, да ожидаемой машины нет и нет. И не только ее – вообще никаких. Тишь, безлюдье и время ползет еле-еле. Сто раз уточнили детали предстоящей операции по задержанию, пересказали анекдоты и смешные истории по жизни, в обед и перекусили. Потом рядовому милиции, т. е. шоферу, наша кампания надоела и он ушел к Уазику подремать в тени кабины. А мы с Михаилом еще раз прошлись по событиям, установленным фактам и вытекающим предположениям, приведшим нас в это безлюдье. Получалось не очень оптимистично. Ну, во-первых, ожидаемая машина могла вообще не появиться. Тогда в расследовании, которое Михаил как оперативник вел официально, ничего не меняется. Висяк – это по моему убеждению; опер-то считает по другому. Во-вторых, машина может появиться, но с одним шофером и возможно грузом конопли или еще какой гадости растительного происхождения. Тогда висяк висяком, но можно открывать новое дело о хранении и распространении наркотиков, к старому отношения не имеющее. В третьих, в машине кроме шофера и конопли может оказаться пассажир, и если будет тем, кого мы ожидаем – все, перед нами организаторы и исполнители двух убийств. Я могу пожинать лавры талантливого детектива, правда, к правоохранительным органам отношения не имеющего, а Михаил – рапортовать о новой версии весенних преступлений и задержании преступников.

В любой из вариантов, кроме первого, капитан верит не

очень. И представляю, что скажет мне, если неверие оправдается: я-то автор авантюры с засадой. Поэтому, когда возможное обговорили и каждый ушел в собственные мысли, в них у меня все больше и больше места занимали переживания: вдруг все напридумывал, нафантазировал и приехали сюда зря?

Теперь сидели молча. Солнце давно побывало в зените и неумолимо опускалось к горизонту. Сейчас уже над равниной, над проселком, где он растворяется среди выжженной травы и кустов. И так низко, что приходится прикрывать глаза ладонью, если хочешь что-то рассмотреть вдаль. Уже и не одуряющая жара, а комфортное тепло приближающегося вечера. Два – три часа и все, день погаснет, а вместе с ним погаснут и наши надежды.

Тишина и спокойствие расслабляют человека. Вот и Михаил начал подремывать, и как мне кажется, надежда на успех его стремительно покидала. Я же продолжал убеждать себя: нет, не мог ошибиться, должна быть машина по третьему варианту! Только бы оперативник не вздумал сорваться домой раньше времени!

Закрыв глаза, сделал вид, что тоже подремываю. Но ощущение тревоги, неопределенности результата ожидания не давали сознанию отключиться от реалий ни на секунду. Неожиданно привычную тишину нарушили кеклики – прокричали за спиной в горках.

"Закукарекали", – услышал их и Михаил. Как и я открыл

глаза, обреченно вздохнул: "Наверное к ужину готовятся", – продолжил потягиваясь и зевая. Точно напоминал, что и нам пора о доме подумать, об ужине. Я собрался возразить: рано еще, пара часов в запасе есть. Но сказать не успел. Глянув в сторону горизонта, опер вдруг замер и выдал давно ожидаемое:

"Кажется, к нам кто-то пылит!"

Теперь понятно, о чем речь? Правильно, о детективной истории, хотя и в ней без любви и наворочек по жизни конечно не обходится. Если честно, они составляют значительный объем повествования, но всего лишь этакий фон, приятный, надеюсь интересный, и необходимый. На котором криминал виден всем, но корни его и причины понятны единицам, даже не всегда работникам правоохранительных органов. Но об этом чуть позже. Начнем с места событий, вернее с некоторых его особенностей.

Часть 1

Наш поселок не имел приличного названия. Мог быть «Степным», или «Предгорным», или еще каким с учетом местных достопримечательностей. Но в адресе кроме обязательных области и района, участвовала не всем понятная аббревиатура: ГРП-21. Что означало: Геолого-разведочная партия номер 21. Организовалась она лет двадцать назад, тогда же построен и поселок, из расчета существования пять лет, не больше.

На первых порах два-три десятка домиков, столовая, гараж и камералка вольготно раскинулись на равнине, с трех сторон в окружении мелкосопочником. В четвертую равнина тянулась до горизонта, и уже из – за него где-то далеко-далеко высывались отдельные вершины горной гряды.

К счастью, что случается нечасто, геологам сопутствовала удача. Через два-три года появился золоторудный объект, куда срочно начала перебрасываться техника – вначале буровая, потом шахтное оборудование. Рабочих и ИТР-овцев требовалось все больше, и поселок быстро вырос, почему-то в одну сторону – камералка как была на отшибе изначально, так на нем и оставалась.

Еще через три года разведку объекта закончили, и сразу же на равнине, в пяти километрах от партии, появились настоящие строители с настоящей строительной техникой. По

мановению волшебной палочки там за несколько лет вырос аккуратный беленький, со спортивным комплексом, школой и больницей поселок, получивший название "Мирный", а в разговорах – "городок". Хотя на него определенно не тянул, и по числу жителей был типичным поселком "городского типа".

Как создавалось это чудо в пустой степи, я узнал из рассказов сторожил, когда появился в ГРП-21 после окончания института. И уже десять лет в коллективе партии работаю на опережение – обеспечиваю Мирному уверенное существование постоянным приростом запасов золота в новых, выявляемых нами объектах.

Золотодобытчики были людьми богатыми. Очень быстро переманили в больницу лучших врачей, обеспечили их новейшим оборудованием; то же самое провернули и со школой. А когда подвели к поселку за несколько десятков километров водопровод (ранее вода привозилась на машинах) и уложили асфальт на узкой ведомственной дороге до ближайшего областного шоссе, жизнь в Мирном стала очень комфортной. А заодно и у нас, в поселке геологов. Потому что водичкой с нами поделились, кто хотел – обзавелись огородами, а я фруктовые деревья посадил, и небольшой бассейн выкопал для «купания». И прочие блага цивилизации оказались рядом – до Мирного всего-ничего, пять километров.

Изменения качества жизни привели к парадоксу. Во-пер-

вых, из привычно волосато-бородато-усатых, облаченных в одинаковые робы промышленного пошива, партийские трансформировались в ухоженных (парикмахерская рядом), чистеньких (душ в каждом доме) и стильно одетых (в магазинах Мирного чего только нет) пиженов, не очень-то похожих на геологов, какими их показывают в кино или по телеку. Во-вторых, рваться в город перестали даже женщины, и даже зимой, хотя почти все ИТР-овцы имели там квартиры. Детей пристроили в школу «городка», там же встали на учет в больницу- все рядом, все под присмотром и контролем.

Конечно, случались и мрачные моменты. Буровые и шахты – производства опасные, и факты травматизма место имели, очень редко со смертельным исходом. Но они воспринимались как неизбежная плата за техниче-ский прогресс; в причинах разбирались, принимали меры для невозможности повтора.

Не обходилось и без криминальных проявлений, в основном несерьезных. Ребята помахали кулаками из-за девушек, приезжие гастролеры что-то слямзили у мес-тных. Но в партии все на виду, друг о друге все знают, и подонки вычислялись мгновенно. На моей памяти единственный серьезный случай имел место в прошлом году, когда похитили богатую золотосодержащую руду с площадки только что законченной у нас разведочной шахты. При этом были убиты два работника партии.

Тогда для расследования преступления в помощь Мир-

ненскому отделению милиции приезжал оперативник из областного управления, а меня к нему «прикомандировали» как знающего местность, и главное – где можно искать похищенную руду и как она выглядит.

Довольно быстро пропажу нашли, преступников задержали. Как-нибудь я расскажу о деталях того расследования, что будет почище детектива. Но к осени о нем мы редко вспоминали, а зиму мирно провели в спокойной работе с картами и прочими бумагами. И никак не предполагали, что криминал может повториться в любой момент, даже если прошедший еще не забыт полностью.

А зря. Оказалось, запал к новому преступлению был уже заложен, и приближался момент, когда его приведут в действие. Хотя сейчас я понимаю, что взрыватель мог и не сработать, то-есть быть обезврежен. К сожалению, такого не случилось, и необратимые события пошли чередой с апреля, когда в поселке почувствовалось возбуждение, как это бывает с приходом первого тепла.

Весенние "раслабухи", когда старые дела закончены, а начать новые не получается.

В поле пора!

Все менялось на глазах. Степь зазеленела мелкой травкой, наклюнулись почки редких у нас кустов и деревьев. Со всех щелей полезли жучки, паучки, комары и мухи; жужжали на оконных стеклах в комнатах, на улице грелись под солнышком на стенах зданий. Как-то разом, непонятно когда и откуда, появились птицы – маленькие и большие, коротконогие и голенастые, с хохолками, длинными хвостами или без них; с противным голосом и улаживающие слух причудливыми трелями. Озабоченно порхали, прыгали, бегали, подыскивали укромные места для гнезд. Некоторые таскали в клювах подходящий строительный материал – сухие травинки, шерстинки, кусочки бумаги или ткани.

Земля не успела подсохнуть, а ее уже разрывали толстые ростки дикого ревелая, выпускали под солнце зачатки бледно-зеленых листьев. Через несколько дней они превратятся в громадные сочные лопухи, заполнят долины и пригорки, будто волшебник кистью густо заляпает их темно-зелеными живыми кляксами. И тюльпаны набирали силу, тянули вверх бутоны на толстых стебельках. Еще немного, и они расцветут, превратив степь в яркий ковер с переливами красных и желтых цветов.

Жизнь явно ворочала в лучшую сторону, а у геологов она к тому же менялась кардинально. Вот-вот начнутся поле-

вые работы, и в камералке, где долгая зимняя размеренность и спокойствие у всех стояли поперек горла, с нетерпением ждали надвигавшихся перемен. Сидеть по комнатам превратилось в сущее мучение, народ рвался на свежий воздух, под солнышко. Неудивительно, что перекуры трансформировались в некое постоянное действо, и на ранее пустовавшем крыльце камералки теперь беспрерывно толкались мужики при сигаретах. А чуть дальше, в сторонке, парами и тройками прогуливались женщины, рассматривая что там пробивается из-под земли на свет божжий. Тепло, тихо, солнечно и гормоны весны прямо переполняют все живое!

Конечно, и меня в том числе. Но подолгу торчать на крыльце представлялось неудобным. Как-никак руководитель группы, и подавать пример откровенного безделья неприлично. Ребят же от свежего воздуха не останавливал, и для очередного перекура из комнаты вместе с ними вышел. Только пошагал не на выход из камералки, а в кабинет главного геолога.

Игорь Георгиевич удивительный человек. Привлекательный мужчина, умен, рассудителен и доброжелателен. Говорит мягко, с улыбкой и очень убедительно. В спорах на темы геологические если и становится серьезней и тверже, то голоса не повышает, не употребляет ни крепких выражений, ни пренебрежительных слов. Его суждения для геологов – истина в последней инстанции. А женщины, как мне кажется, в него влюблены поголовно. Этакой тихой тайной лю-

бовью, потому что прекрасно знают его удивительную честность и верность жене, что не дает шанса даже на короткий тайный роман.

Главный геолог, как и я, страстный рыбак и охотник. А что так не сближает людей, как эти пагубные страсти, не вызывает желания лишний раз перекинуться парой слов не по работе? Вот и направился к нему, считая полезным вместо перекура отвлечься минут на десять на приятную болтовню.

На Игоря Георгиевича, как и на всех, весеннее солнце и тепло действовали только положительно. Из окна он видел празднующую и галдящую публику, но в данный момент это настроения его не портило. Улыбаясь и потирая руки, при моем появлении из-за стола поднялся, кивнул головой в сторону окна:

«На свободу рвутся ребята. От зеленой травки и воздуха такого», – изобразил руками нечто большое, упругое, приятное, – «у любого голова кругом пойдет! Скорей бы в поле начать ездить!»

«Мы с удовольствием», – поддержал согласием, – «только не готовы. На склад, как всегда, не завезли ни молотков, ни компасов, ни пикетажек. Работать не с чем!»

Игорь Георгиевич в момент стал серьезным: «Да, тут ты прав. Но машину в город отправили, вот-вот нужное подвезут.» Показал мне рукой на стул, сел сам. Перебирая на столе бумаги, вместо пустого трепса заговорил о деле: «Я вот что хочу. Пока то да се – не мешало бы полевикам сделать пароч-

ку совместных маршрутов». Посмотрел на меня: «Как считаешь?»

"И думать нечего," – ответил без задержки, – "пробежаться нужно обязательно. Я с ребятами на новые площади выхожу, никто там не работал и как породы выглядят – не представляют."

Главный геолог придвинул ко мне обзорную геологическую карту:

"Тогда давай посмотрим, где лучше пробежаться". И с полчаса мы занимались делом, перебирая карты, накладки и намечая линии будущих совместных маршрутов. Так что не получилось отвлечь его на приятные рыболовно-охотничьи байки.

Вернувшись к себе, ребят в комнате не нашел. Зато сидела Татьяна, техник-геолог, в прошлом году работавшая на моем участке и, понятно, под моим присмотром. Пышная, талантливо крашенная блондинка, она отличалась полной раскрепощенностью в делах любовных. Хотя имела мужа, отлично знавшего о ее "шалостях", и постоянно терзаемого переживаниями по их поводу. Хорошо, что дело переживаниями и ограничивалось. Как старую знакомую не только по работе, но и с некой интимной составляющей до сих пор невинного характера, я ее поприветствовал, с учетом отсутствия посторонних:

"Здравствуй, радость моя! И к кому пришла, если не секрет? Работой мы вроде как и не связаны!"

Татьяна подарила ослепительную улыбку: "Как к кому, ненаглядный мой? К тебе конечно! Дня не могу прожить, не увидев!"

Я сделал вид, что внимательно ее рассматриваю, пытаюсь найти признаки этого вот "не могу прожить". Но их не было и в помине, о чем я счел возможным заметить:

"Не похоже, что тебя что-то угнетает! Выглядишь бесподобно, глаз нельзя оторвать простому смертному!"

"И не отрывай, вокруг-то никого!" – в легких разговорах Татьяна за словом в карман не лезла, – "А хочешь – подойду, чтобы и руки свои от меня оторвать не смог!"

Я заволновался: возмет и подойдет на самом деле, это она запросто. И что делать? Ребята в любой момент зайти могут, подумают черт те что! Танечка мое волнение уловила и улыбку на лице сменила гримасой легкого пренебрежения:

"Трус несчастный, девушку полапать боишься!" Улыбнулась опять лучезарно и дополнила: "И какую девушку! Другой бы..." Но окончить, что сделал бы другой, не успела – в комнату без стука ввалились опьяненные свежим воздухом ребята. Заметив нас двоих, выказали на лицах то, что обычно доносят словами "ну вы даете", и начали рассаживаться по местам. Владимир, конечно, не мог удержаться:

"Танюха, ты что здесь делаешь, начальника нашего охмуряешь?"

Татьяна в долгу не осталась: "Ваш начальник", – бросила на меня взгляд – "пень бесчувственный. У него на уме рабо-

та, работа и работа. Нет, чтобы любовь, любовь и любовь! И даже сейчас, весной, когда щепка на щепку!"

Закончить фразу постеснялась, и Владимир пробел устранил:

"Ну да, лезет! Это мы знаем, счастья и удачи тебе!»

Понимая, что сейчас может начаться дискуссия на любовную тему, я своего коллегу можно сказать продолжил:

"Только делать это желательно после работы, а еще лучше – вечером. Так что, Татьяна, у тебя все впереди. Сейчас-то за чем пришла?"

Татьяна с пренебрежением еще раз меня обозрела:

"И что за мужики пошли? Любить – только в темноте, еще лучше вообще с закрытыми глазами. Не ждала от вас такого, Юрий Васильевич!"

"Шутит он!" – успел вставить Паша, еще один мой геолог.

Татьяна обернулась к нему: "Шутки дурацкие!" – и уже мне, – «Ладно, Юрий Васильевич, на время вас прощаю. А сейчас прошу пройти керн посмотреть. Хоть и не вы должны это делать, но уж очень хорошо объясняете!"

Я без слов пошагал на выход из комнаты: одно полезное дело представлялась возможность все же сотворить.

На следующий день машина из города привезла все необходимое для работы. Тут же полевики забежали с бумажками, собирая нужные подписи начальства, чтобы получить бесплатные сапоги, робу, рюкзак, прочую мелочь. Следующие два дня разбирались с картами и фотопланами, без которых

геологам делать нечего – отбирали нужные, клеили их на твердую картонную основу. Наконец геологическая служба все приготовила, народ рвется в поле.

Не тут-то было! Попасть туда не на чем! Двадцатого числа приезжают из районного ГАИ проводить техосмотр, и в гараже аврал, не до нас. Дай бог успеть подкрасить технику, устранить в ней неисправности. На день машину все же со скрипом выделили – прокатиться и осмотреться на местности, где будем работать. И пока все, до приезда гаишников.

Публика геологическая с удовольствием прокатилась, подышала свежим воздухом, лицами подзагорела; женщины нарвами первых тюльпанов.

Теперь точно: к полевым работам мы готовы!

Экскурсия на карьер – для всех интересная, для геологов полезная, для некоторых скоро станет трагической

Утром в камералке пришлось устраиваться за столом и придумывать для себя занятие – в какой уже раз перебирать надоевшие бумажки. Такой "работы" мне с избытком хватило до обеда. Не знал, что и делать, до того комната и все, что попадало на глаза, осточертели. Подумывал, не смыться ли в степь, посмотреть, что там творится, как травка растет и не плавают ли дикие уточки в лужах по руслу пересыхающей летом речушки.

Осуществить крамольную мысль не успел. В комнату заглянул Игорь Георгиевич, да так и не вышел из нее до конца работы. Пришел по делу, в данный момент очень приятному: на завтра хоть и со скрипом, он еще раз машину выбил, и едем мы на экскурсию, для знакомства с давно известным рудным объектом, в направлении на который в этом сезоне будем вести поисковые работы. Вот этот объект нужно посетить, посмотреть как выглядит с поверхности, в каких он породах, какие изменения наблюдаются. И вообще чем отличается и как эти отличительные признаки не пропустить уже в своей работе.

Объект к золоту отношения не имел, представлял мелкое скопление красивых минералов – малахита, азурита, хризололы, еще каких-то. То-есть, полудрагоценных камней, необходимых в ювелирном деле. Расположен был в глухой степи, и ковыряться там, я имею ввиду с использованием техники, никому не позволялось. Но раз в год бригада с бульдозером, компрессором и экскаватором наезжала, и под контролем некоего органа добычу красивых камней вела. Проходилась небольшой карьер, набирали машину полудрагоценного материала, и все. Карьер засыпался, техника и люди уматывали в город.

По своим каналам Игорь Георгиевич узнал, что сейчас добытчики на объекте, и самое время туда попасть, посмотреть не только все с поверхности, а и красивых камней набрать, в этом карьере.

Поисковики, т. е. я, Паша и Владимир экскурсию восприняли с энтузиазмом. Тут же в компанию напросился Николай Матвеев, старший геолог на оценке выявленного в прошлом году золоторудного объекта, и Александр, ранее геолог в моей группе, а сейчас помощник Николая. Отобрали фотопланы, на которых находился объект, наметили как к нему получше и побыстрее подъехать. Проверили молотки – им предстояло хорошенько поработать.

Утром с трудом разместились в салоне ГАЗ-66, машины горного цеха. Причем кроме геологов, туда залезли руководитель службы горный мастер Слава, экскаваторщик, буль-

дозерист и еще несколько человек, чьих профессий я не знал. То-есть, зря дорогу намечали поудобнее, ехать обязаны через наш оценочный участок. Там Славу и работяг предстояло высадить, и только после этого машина в нашем распоряжении. До конца работы, когда утренних пассажиров должны собрать и привезти домой. В общем, никакого маневра ни по дорогам, ни по времени не получалось.

Конечно, все возмутились, и даже Игорь Георгиевич: машину-то обещали специально для экскурсии, а не таким, как сейчас, попутным рейсом. Но к непредсказуемости начальства нам не привыкать, так что едем. Правда, без прежнего воодушевления.

На оценочном участке работяги из машины вылезли, а мы покатали дальше с пополнением – горный мастер Слава напросился в компанию, посмотреть карьер и как в нем ведутся работы. Отъехали совсем немного, машина остановилась и из кабины выскочил Игорь Георгиевич:

"Мужики, ради бога пустите к вам! Не могу больше с шофером сидеть, ворчит, как... старая дева! Все ему не нравится!"

В салоне заулыбались, но в кабину идти никто желания не изъявил. Кому сосед-зануда нужен? Не растерялся Николай Матвеев:

"Слава, давай! Твой кадр, вот и иди, команду!"

Горный мастер в кабину не рвался, с нами удобнее и анекдоты хорошие говорят. Но идти пришлось, потому что зашу-

мели все:

"Давай, воспитывай подчиненного! А дорога дальше одна, прямо к карьеру ведет!"

Главный геолог устроился в салоне, и как только тронулись, глубоко и с удовольствием вздохнул:

"Вот лентяй попался! Не дай бог каждый день с таким ездить! Не нанимался, видите ли, он геологов возить! Распустил его Слава дальше некуда!"

За оценочным участком, до которого проселки от партии разбиты вдрызг, теперь двигались побыстрее, без пыли и больших кочек. Через час с лишним впереди показался балок, возле него три емкости и тут же в куче несколько палаток.

В балке, как самом комфортном полевом пристанище, всегда обитает начальник. Сейчас он к нам вышел – молодой парень, прилично одетый. Игорь Георгиевич представил ему себя, нас, рассказал за чем приехали. Начальник немного засмутился при виде оравы, но быстро понял, что нам нужно, и пригласил в помещение. Достал карту, план карьера, рассказал что сейчас в нем делается и где выбирают очередное гнездо ценного материала. Мы бумаги посмотрели и пошлагали к куче камней, с начальником во главе.

Карьерчик-то, в большей части засыпан камнем и по размеру всего ничего: в ширину метров десять, в длину – может двадцать. Расчищен только въезд с одной стороны, проезд к противоположной стенке, и пространство вдоль нее, ровно

чтобы вместился экскаватор на базе трактора Беларусь.

Начальник показал нам, где на днях пустую породу с обеих сторон ценного гнезда взорвали и из карьера убрали, а теперь вручную разбирают само гнездо. Сейчас процесс увидели: пять человек, сидя на примитивных скамейках, перебирали куски породы, откалывали от них малоценные части и сортировали все по отдельным кучам. Мужики при виде нас задвигались поживее, заулыбались, потянулись за сигаретами. Мы присели рядом, начали камни рассматривать и торговаться. А работяги подсовывали такие экземпляры, что прямо отсюда в музей или на продажу – в самый раз. Красота бесподобная! С разрешения, каждый несколько кусочков себе выбрал.

Однако приехали мы за другим. Красоту смотреть интересно, но для нашей работы бесполезно. Поэтому, не задерживаясь в карьере, отправились в экскурсию по окрестностям. Без горного мастера Славы и зануды-шофера, с нами им делать было нечего. Слава остался терзать распросами начальника добытчиков по технике работы в карьере, а шофер с горящими глазами не мог оторваться от рассортированного в кучах ценного материала.

Бегали мы долго, и вблизи, и подальше. Видели все одно и то же, но мнение у каждого складывалось персональное. Не обошлось, как всегда бывает у геологов, без споров и легкой ругани. Но потихоньку-полегоньку к единому пониманию все же пришли. Иначе и быть не могло, ибо на таком

согласии вся геология держится и вперед движется.

Теперь можно домой – вопросы решили, и время поджигает. Двинулись к машине, стоящей возле балка. Слава и начальник добытчиков встретили нас как друзья, сближение успевшие "отметить". Шофер сидел в машине трезвый, но веселый до удивления. Попрощались с начальником, поблагодарили за информацию, образчики, покатали домой. Вернее собирать утренних пассажиров на нашем оценочном участке. И только сейчас в глаза мне в салоне бросились два брезентовых пробных мешка, полностью затаренных, как я подумал, красивыми камнями. Не приминул Славу, устроившегося рядом, спросить:

"Мешки-то твои, или шофера?"

Он глянул на них и удивился:

"Мне зачем? Шофер, наверное, набрал. Ничего не пропустит, если спереть можно!"

Помните, я упоминал про взрыватель? Так вот, сейчас он попал под руку, им играют, еще не задумываясь, придется ли нажимать кнопку. Что бы начался отсчет времени, до взрыва.

Пока добирались до партии, успели поговорить об увиденном, и как это с пользой применить в работе; даже анекдоты потравили. Все веселы и довольны – день провели на свежем воздухе, в приятной кампании. И, конечно, никто не предчувствовал, что именно сегодня, с этой поездки, началась цепь событий, надолго повернувших обычный ход жиз-

ни партийского коллектива в худшую сторону. Даже больше – в трагическую. Скоро мы станем их свидетелями.

Часть 2

Праздник на носу!

С утра опять камералка – в поле попасть не получается. Приходится заниматься ерундой. И постоянно бегать курить, дышать свежим воздухом, или к соседям по комнатам примитивно потрепаться. О чем-то мы и у себя говорили, наверное как правильно распорядиться надвигавшимися выходными, когда с очередной отлучки вернулся Паша. Он у нас рабочая лошадка. Молча выслушает задание, задаст пару-тройку вопросов – уточнит общую линию, которой должен в работе придерживаться. И все – молоток, фотоплан в руки и вперед, в горы или сопки. То-есть, ярко выраженный исполнитель, заумных предположений и идей никогда не предлагает. Что облегчает мне жизнь, а для всех – выполнение планов. Но кое в чем Пашу нужно контролировать – когда намечает канавы, скважины, дудки БКМ. Может выставить колышки так, что приходится удивляться. Для примера: задать канаву в монолите коренных, или наметить скважину под линией высоковольтки. Здесь за ним глаз да глаз.

Сейчас он потихоньку сел на место, послушал о чем мы болтаем и в подходящий момент вклинился:

"Вы тут о ерунде, а девки к празднику готовятся, меньше двух недель осталось!"

Все обернулись к новоявленному оракулу. Паша сделал вид, что этого не заметил – опустил глаза и занялся бумагами.

"А ведь правда, совсем праздники из головы вылетели!" – разбудил он Владимира. В нашей группе это мой признанный помощник и заместитель на случай отсутствия. У него избыток жизненных сил и энергии, постоянно излучаемой в нужных и ненужных направлениях. Первым все замечает, первым предлагает решения, первым начинает действовать. В общем, человек незаменимый для всех, а для меня в первую очередь. Это когда приходится общаться с начальством негеологического профиля и решать с ним хозяйственные вопросы. В делах таких я профан, а Владимира медом не корми, его стихия. Здесь он не просто помогает – замещает меня на сто процентов. В делах геологических тоже на высоте – всегда есть идеи, предположения. Но, в отличие от некоторых, за них не держится намертво, до конца. Спокойно признает ошибки, если их хорошо аргументировать, и дальше идет со всеми нога в ногу.

"Почему и не вылететь, с нашей тягомотиной», – напомнил я наше всем надоевшее состояние общего безделья, и глянул на старшего по возрасту в комнате техника Леню, который спиртного почти не употреблял, а в танцах не участвовал никогда точно. Леня отреагировал ожидаемо – хмык-

нул и потянулся к спидоле поймать последние новости по Маяку. Еще раз показал, что коллективные гулянки его не интересуют. Для этого была причина: не так давно от Лени ушла жена, которую он любил, и наверное любить продолжает, если до сих пор не нашел замены. И еще долго не найдет, потому что после прискорбного события у него появилась неприязнь не к отдельным женщинам, а ко всему женскому полу в целом. Что он в очередной раз продемонстрировал. В остальном же Леня парень отличный, правда излишне спокойный, может быть меланхоличный. Образование имеет среднее, что его полностью устраивает, и в порученных заданиях скрупулезно констатирует замеченные детали геологического строения, но не обобщает их и не делает заумных выводов, оставляя их для коллег, окончивших институты.

"Что делать-то будем?" – начал я развивать тему, – «Может пора собраться, план составить, обязанности распределить?»

Владимир, большой любитель общественных мероприятий, откликнулся сразу:

"Сейчас по комнатам пробегу. Соберемся и все обговорим." И у Паши поинтересовался: "А девки-то что обсуждали?"

"Что, что, наряды, что еще," – начал тот, продолжая разбираться с бумагами. Потом поднял голову, к нам с улыбкой:

"Плавки посоветовали вторые надеть. Чтобы не торчало чего, когда голых баб увидим!"

Все заулыбались, даже астет Леня. Он же не без ехидства – как всегда, если дело касалось женщин – попытался уточнить:

"А кто это у них такие смелые?"

"Да есть такие," – Паша вновь вернулся к бумагам, – "только не говорят кто."

Со словами – "ну это мы узнаем" – Владимир поднялся, и пошагал на выход из комнаты, бросив на ходу: "Пойду с ребятами поговорю."

Оставшиеся замолчали. Леня нашел наконец Маяк и слушал его, выведя на минимум громкость, Паша как перебирал бумаги, так и продолжал это делать. А я начал припоминать не так давно прошедший женский день, то-есть восьмое марта. Вернее кто из женщин на тогдашнем сабантуе мог посчитать себя обделенной вниманием мужчин, и сейчас готовит для реванша столь экстравагантное одеяние, что желательна дополнительная защита в виде вторых плавок.

Ничего умного в голову не приходило. Женщины тогда были веселы, довольны и на отсутствие ухажеров не жаловались. По крайней мере так мне припоминалось. Поняв, что желательно направление мыслей изменить, я вздохнул поглубже и развернул на столе очередной фотоплан; еще раз его посмотреть и наметить линии будущих маршрутов.

Вскоре Владимир в комнату вернулся и привел с собой почти всех ребят геологов и геофизиков. Устроились кто как мог, Леня выключил приемник, а я и Паша от бумаг оторва-

лись. Жутко деловой организатор приступил к делу:

"Ну, мужики, праздник на носу. Что предлагаете?"

Почему-то все замолчали, и наш бессменный тамада, обведя народ взглядом, продолжил:

"Что молчите? Или желания нет в коллективе праздник отметить?"

Леня в уголке в очередной раз хмыкнул:

"Можно подумать, дома нельзя напиться! Обязательно на глазах у других это сделать!"

"Ну ты совсем!" – возмутился Паша, любитель не только "принять", но и пообщаться, просто посидеть в компании, – "А танцевать? Что, с табуреткой?"

В комнате тихонько заговорили с рядом стоящими и сидящими. Слышно, что обсуждались варианты праздничного мероприятия, но никто конкретного предложения громко не озвучивал. Наконец один из молодых робко, но достаточно вразумительно предложил:

"Может шашлык сделать, как восьмого марта? Тогда все довольны были!"

Если бы так! Конечно, шашлык тогда получился бесподобный, но наслаждались им не все. Лично мне пришлось стоять у шашлычницы длиной пять метров и еле-еле успевать поворачивать шампуры, не дать мясу пригореть. Аромат в партии развели такой, что прирулил не местный заблудший автобус, пассажиры высыпали из него приносиваясь, и бодро выстроились возле меня в очередь. Пришлось

долго объяснять, что товар не реализуется, так сказать, частного характера.

В это действительно было трудно поверить. Представьте пятиметровую шашлычницу и пятьдесят человек клиентов? Наш горный мастер Слава, парень жутко пробивной, смог это чудо техники сотворить по спецзаказу. А к ней пришлось мариновать целую ванну мяса. Ну да, такую, что стоят в каждой квартире в городе. А еще раньше мясо пришлось добывать, потому что никому и в голову не пришло приобрести для этой цели барашков. Тем более мясо у них жесткое, не очень вкусное и ни в какое сравнение с сайгачатиной не идет. Так что, кроме как шашлык жарить, пришлось мне по разнарядке добывать одного рогача. Причем его обязательно, самки в это время вынашивают детенышей, и трогать их ни у кого рука не поднимается.

Вспомнив, чем коллективный шашлык обернулся лично для меня, этому салаге, еще жизни не выдавшему, не замедлил ответить:

"Ни за что! Во-первых, мяса нет – почти вся сайга ушла, а во-вторых, шашлычницу распилили, из одной сделали четыре!"

Владимир тут же меня поддержал:

"Да, шашлык дело хлопотное. Кто хочет, может дома сделать, в день похмелья. Для коллектива что-то надо попроще придумать."

"Колбасы порежьте и хорош," – с ехидной усмешкой по-

дал голос Ленья, – "И много резать не надо, лопать особо никто не будет!"

"Ты как всегда," – бросил в его сторону Владимир, и уже мне, – "Что думаешь? Все равно тебе придется мясо готовить, вот и предлагай."

В этой непонятно почему прилепившейся ко мне постоянной обязанности я не сомневался. И чтобы жизнь облегчить, пока кто другой не додумался до очередной жути почише шашлыка, предложил самое легкое:

"Говядинку потушим, с картошечкой, и достаточно."

Теперь заговорили все разом, в целом предложение одобряя. Здесь же решили сколько нужно готовить, кто в этом мне будет помогать, а кто мясом обеспечивать. Потом распределили кто и что под руководством жен приготовят из закусок; определили потребности в спиртном и сумму персонального взноса на это дело. И разошлись по своим местам готовиться к полевым работам. Только Владимир с листком бумаги побежал по комнатам составлять список желающих и собирать с них деньги.

Любовные страсти на фоне праздничных мероприятий

Еще два дня побездельничали в камералке, потом слава богу, гаишники приехали, техосмотр партийского транспорта провели. А заодно и нашего, частного. И все ринулись в поле наверстывать бездарно упущенное не по своей воле. Как и обычно, на первых порах дел невпроворот. Работой нужно не только себя занять – обеспечить экскаваторщика, у которого план выше ма-кушки, канавщиков, отборщиков проб и еще массу народа. Вот и бегали по горкам до конца месяца, благо солнышке дает тепло, а не удушающую жару. И вокруг глаз радует зеленая травка, красные и желтые цветы тюльпанов.

О приближающихся праздниках в поле не думалось, дай бог разобраться с проблемами геологическими. Дома же по вечерам они о себе напоминали и все настойчивей. Намеченная программа праздничных мероприятий потихоньку начала реализовываться, вначале в несколько замедленном темпе – успеем еще – а потом ускоряясь и ускоряясь. Уже и мясом меня обеспечили, и я его обработал до стадии завершающего действия: из холодильника в казан и на плиту. И жена что-то готовила, правда не дома, а у подруги; и кому поручено отчитался о приобретенных напитках. Тридцатого апреля коллективом устроили камеральный день. Посидеть за столом,

подумать, что-то подписать, дорисовать – этого накопилось достаточно. Да и бегать день по горкам, а вечером идти на гулянку – никаких сил не хватит.

Праздничное настроение чувствовалось с утра. И приедете все поаккуратнее, и в общении друг с другом поласковее. После обеда ребята по одному начали смываться по общественному делу – из помещения керноразборочной вынести лишнее, занести туда столы, стулья, на скорую руку сляпанными картинками и плакатами украсить стены.

За два часа до конца работы я сидел в комнате в гордом одиночестве и подумывал не смыться ли и мне. Потому что никакой умной мысли в голове не появлялось, а вот прямо сейчас поставить казан с мясом на газовую плиту – очень даже неплохо; как раз к семи часам оно дойдет до стадии годности к потреблению.

Еще с пол часа помучился, пока чувство ответственности за порученное не вытеснило благое намерение завершить рабочий день как положено. И с чувством некоторой вины побежал домой, уверяя себя, что недоделанное по работе всегда наверстаю.

В начале восьмого я и помощник мой Паша тащили тяжеленный казан с готовым продуктом в керноразборочную, где и должно осуществиться праздничное мероприятие. Там шла последняя подготовительная работа: на сдвинутые столы женщинами расставлялись тарелочки, вилочки, ложечки; небольшие стаканчики и большие стаканы; блюда, блюда и

другие емкости с закусками, приготовленными по индивидуальным рецептам. Они же украсили столы букетами цветущих тюльпанов. Мужики были на "подхвате": принеси, подай, убери и т.д. Но спиртное никому не доверили, расставляли бутылки само-стоятельно, стараясь чтобы было их на каждом столе одинаковое число.

Мы с Пашей передали казан в ведение женщин, недолго под их руководством побегали, пока подготовка к вечеру не завершилась. И разбежались по домам облачиться в праздничную одежду – ровно в восемь в клубе начнется торжественное собрание, с обязательным в таких случаях докладом об успехах в труде страны и конкретно нашей партии как ее состав-ной части. Главное мероприятие геологического коллектива начнется сразу после доклада.

Лично я в клуб не собирался. Терпеть не могу словоблудия, из газет и журналов знаю все возможное не хуже докладчика. Если не лучше. Посчитал, что обойдутся без меня, а потому зарулил в керноразборочную, где уже толкалась пара ребят с близким моему образом мыслей. И пока кто-то что-то слушал, мы курили, травили анекдоты и делились чем заняться два нерабочих дня. Не одну же водку пить!

В пол девятого помещение с шумом и гамом начало заполняться веселым народом. Устраивались за столами, выбирая приглянувшиеся места и приятных соседей. А я в который раз с удивлением и восхищением смотрел на наших женщин, поражаясь тому, как из простых и вроде не очень

заметных моих коллег по работе сейчас все они превратились в загадочных и таинственных красавиц. Которых, если встретить по одиночке и в другом месте, не сразу и узнаешь. Сногсшибательные прически, сложный и ответственный праздничный макияж, яркие весенние наряды притягивали к себе взоры мужчин, превращая их в озабоченных, лихорадочно дергающихся идиотов. И только Леня, все же решивший присутствием кампанию осчастливить, сразу уселся за столом так, что бы всех видеть, и теперь со спокойной и чуть презрительной усмешкой наблюдал за разворачивающейся перед ним картиной массового мужского гипноза. Жена и несколько ее подруг с мужьями прорвались к моему столу, устроились за ним. Мужчины с одной стороны, женщины с другой. Света глянула на меня, поняла состояние души и поинтересовалась:

«Как тебе наши девушки? Веру и Танечку видел?»

Я засмеялся: "Их пока нет, но девушки выглядят потрясающе. А ты лучше всех, конечно!"

"Ладно, не подхалимничай!" – радость моя заулыбалась, – "Вот ту парочку увидишь – поймешь, на что женщины способны!"

Разговор за столом перешел на тему подготовки к первому тосту – женщины предлагали закуску каждая собственноручно приготовления, и появление двух красавиц, способных на что-то по моему уже и невозможное, проглядел. Заметил их сидящими довольно далеко, в противоположном конце со-

ставленных буквой Г столов. Видно, что у младшей Верочки материи на платье не хватило. Начиналось оно где-то чуть выше талии, минимально скрывая самые пикантные части привлекательных женских "пресестей" и не давая им непонятно каким образом вырваться на свободу полностью. Где кончалось внизу – не заметил, но зная, что ножки у самой молодой жены геологического коллектива весьма привлекательные, полагал, что скрывать их она точно не будет.

У второй смелой красотки Татьяны, женщины в соку и с пятилетним опытом замужества, с праздничным нарядом все вроде в порядке. Материала точно хватило, но казалось одеяние столь прозрачный и невесомым, что с трудом различалось как самостоятельный предмет. Этакий туман или дымок вокруг фигуры, на которой проглядывали лишь предметы минимальной защиты самых пикантных частей женского тела.

Конечно, обе красавицы что хотели, то и получили. Мужики откровенно на них пялились, а женщины – нет-нет, да и бросали взгляды в их сторону.

А праздничное мероприятие развивалось по известным законам. Вначале несколько общих тостов, пока не повеселели все, потом поднимали стаканчики с рядом сидящими, дальше уже бегали вокруг столов с намерением выпить со знакомыми, не оказавшимися рядом. И потихоньку все стали "хорошенькими". Наконец ударила музыка, женщины и несколько мужчин бросились танцевать. Кто-то побежал на

выход охладиться, а я прошел к Лене и сел рядом.

"Почему не дергаешься?" – это он спросил почему не танцую. Дергаться я любил примерно так, как и он, но все же иногда это делал, когда женщины в круг вытягивали. Поэтому махнул рукой и дополнил жест словами: "Еще успею."

Леня, глядя на танцующую публику, медленно покачал головой и донес до меня мнение о наблюдаемом:

"Сбрэндил народ, а некоторые бабы – так совсем!"

"Да брось ты," – высказал и я точку зрения, – "веселится народ, танцует. Праздник же!"

"Это Верочка-то веселится?" – Леня повернулся ко мне, – "Ты посмотри, как она Славке на шею вешается! Сиськами уже забодала, почти голыми!"

Я нашел парочку среди танцующих – действительно, Верочка кадрила партнера по полной программе, что для замужней женщины было можно сказать не совсем приличным. Ну хорошо, дура баба и лишнегохватила. Но Слава-то, горный наш мастер, мужик нормальный! Зачем ему так светиться с красоткой, при ее муже, здесь же присутствующем?

Ответить не успел. К нам подлетела моя жена и вытащила в круг, приказав:

"Не сиди, танцуй и за девушками ухаживай. С Лени пример не бери, он парень хоть и хороший, но же-но-не-на-вистник." Последнее слово выдала медленно и по слогам.

Наконец музыка кончилась и жена убежала к подругам, не забыв еще раз напомнить: "Не сиди, танцуй!" На что я

усмехнулся, и не обнаружив Леню за столом, направился на выход.

На крыльце и возле него народ курил, дышал свежим воздухом. Леня оказался здесь, в компании с Владимиром и еще двумя парнями. Подошел к ним, и тут же услышал:

"Как тебе Слава и Верочка? Что думаешь?"

Ребята с интересом ждали ответа. Я пожал плечами:

"Чужая душа потемки. Славу не мешает остудить, жалеть завтра будет," – оказывается, подозрительное поведение парочки заметили многие.

"Да говорили уже, чтобы кончал бабе голову дурить," – высказался кто-то из ребят, – "а он про любовь болтать начал!"

"Ты с Верунькой поговори по душам, все же подчиненная твоя, может и прислушается!" – предложил Владимир, ребята его поддержали.

На этом тему сменили, еще недолго поболтали о пустяках и разошлись. Потому как свежим воздухом надышались, накурились, а в помещении вновь загрела музыка, приглашая на очередной танец.

Стоять и наблюдать за танцующими мне не давали – развеселые женщины вытаскивали в круг, заставляли дергаться или кривляться – не знаю как это назвать. В моей юности таких танцев не было, сейчас учиться поздно, вот и дергался как мог. И почему-то воспринималось это окружающими нормально. В танцах и я, и партнерши конечно не молчали.

Болтали о разном, но один вопрос задавали женщины все: что думаю о Вере и Славе. Я пожимал плечами и мнение высказывать воздерживался, но понял, что поведение парочки не нравилось многим из них.

Как и ожидал, не оставила меня без внимания и Татьяна. Пригласила – пardon, вытянула в круг. И сразу вопрос:

"Ну как я? Нравлюсь?"

«Бесподобно!» – другого слова почему-то не нашлось, – "В гости к мужчине и в таком наряде – успех сто процентов. Но сюда-то зачем? Сразу всех мужиков смущать?"

Татьяна плавно перевела танец с индивидуальной демонстрации дерганий руками и ногами во что-то подобное танго, где главное в близости партнеров и согласованности движений. И ответила, уже прижавшись ко мне горячим пышным бюстом:

"Боже мой, да конечно мужиков смущать! А тебя – так обязательно!"

"И других тоже сбязательно?" – захотелось уточнить.

«Конечно! С другими как раз все нормально. Пальчик покажу – и побегут за мной на задних лапках. С тобой вот все никак!» – Татьяна ответила очень убежденно, и с ноткой нравоучения добавила, – "Смотри, Юрий Васильевич, пожалеешь! Подрастешь – и пожалеешь! От такой девушки отказывается! "

Приятно, конечно, когда в любовники приглашают открытым текстом, и сейчас это предложение не первое, успел пару

раз от "счастья" не то чтобы отказаться – как-то вильнуть в сторону, создать некую неопределенность, ни да, ни нет. Татьяна, конечно, расценила мои действия как примитивную трусость, потому что в существовании рядом любовника не видела ничего предосудительного. А однажды в минуту откровения меня уверяла, что для настоящей женщины – такой себя считала точно – одного любовника недостаточно, должно быть их несколько. В том, что у нее несколько и есть, я не сомневался, но пополнить их число собственной персоной остерегался. По убеждению железному, что любовница не должна постоянно крутиться перед глазами как моими, так и моей жены тем более. Любовница должна изредка таинственно появляться, и так же таинственно исчезать. С Татьяной такого точно не получалось, потому что ежедневно лицезрели друг друга и не по одному разу.

Разговор о наших отношениях сейчас и в будущем желательно было не продолжать, и я задал вопрос по любовной теме, но касающийся других:

"Это не ты Верочку надоумила Славу в любовники затащить?"

"Да бог с тобой! Кандидатам в любовники, как она на шею не вешаются!" – ответила без раздумья. Посмотрела мне в лицо: "Я же тебе не вешаюсь? Правда? Я даю только знать об этом. Дальше сам должен решать!" Улыбнулась и закончила: "Лучше, конечно, меня не обижать отказом!"

Опять о том же! Но на провокацию я не поддался:

"А тогда чего они бесятся? Муж Верки домой сбежал от позора, меня все пытаются что там у них, с ней просят поговорить, чтобы глупить перестала!"

"Не вздумай этого делать!" – перебила Татьяна, – "Она, дурочка, в Славу влюбилась, и разговаривать с ней сейчас бесполезно!"

"Но что делать-то?"

"А ничего! Может все и к лучшему. Сменит Верочка мужа и успокоится." И уже назидательно: "Любовь у них, любовь!"

На этой фразе музыка смолкла, я галантно довел Танечку до подруг. И направился из выход свежиться.

К концу вечера разговор среди публики был из тему одну: Вера – Слава – любовь. Вела парочка, словно между ними все решено, завтра чуть ли не свадьба, а потому можно спокойно демонстрировать близость, телячьи нежности и прочее.

Потихоньку народ начал расходиться по домам, и к двум ночи в kernоразборочной осталось человек десять самых стойких, в том числе и "влюбленные с первого взгляда". Жена ушла раньше, вскоре потихоньку пошагал домой и я.

Утром проснулся неприлично рано – в восемь часов. После гулянки это норма – пять часов сна, и вскакиваю как заводной. Чтобы не будить жену, вышел во двор, уместился на крыльце. Благодать-то кругом! Тишина, в рубашке даже не прохладно, на небе ни облачка, зеленая травка и деревья –

лучшего для Первого Мая и не придумаешь!

Посидел в одиночестве, наблюдая как поселок просыпается: из соседних домов позевывая выходили мужчины и женщины, видно только из кроватей; так же как и я блаженно щурились и потягивались. Ни тебе криков, ни беготни, ни тархтящих машин и мотоциклов.

Вспоминался вчерашний вечер, самые интересные разговоры с ребятами, женщинами. Особенно с Танечкой. Здесь не мог не заулыбаться: до чего смелая и самостоятельная дама! Приятно, что глаз положила на меня, и не очень приятно – ответить взаимностью не могу по убеждению. А как вечер закончился для Веры и Славы, этих ненормальных влюбленных? Разошлись они по домам, или сейчас где-то в одной кровати? Интересно было бы узнать.

После вчерашней обильной выпивки и не менее обильной закуски состояние организма было удовлетворительным. То есть синдром похмелья не тревожил, но принять грамм сто, дать некую дополнительную встряску организму не помешало бы. В доме спиртное конечно есть, но пить в одиночку, да еще на праздник, не хотелось. Еще немного на крыльце посидел, зашел в дом переоделся и пошагал к Паше, ближайшему соседу из друзей.

Не очень надеялся застать его дома – Паша мог спать и в другом месте, у самого стойкого из приятелей, вдвоем с которым они как правило любое праздничное мероприятие завершали.

На крыльце встретила жена друга, женщина удивительно спокойная и на причуды мужа вроде отсутствия ночью непонятно где, внимания не обращающая. Заметив меня, Люда улыбнулась и не дав поздороваться, информировала:

" В сарае твой, два часа как пришел и на диван завалился, спит. Надо – буди, нечего всю ночь шарашиться!"

Кто другой сейчас бы развернулся и пошагал куда подальше: не спал человек ночь, пусть немного покимарит. Но это если Пашу не знать. А я знал о нем все, в том числе и то, что если мне хватало для сна пяти часов, то Паше с организмом более молодым достаточно было и двух. Поэтому Людочке улыбнулся и прошел в сарай, где мужик оборудовал на всякий пожарный закуток для отдыха, со старым диваном, столом, парой табуреток.

Паша в праздничных брюках и рубашке мирно сопел на диване. На стук двери, шум шагов не отреагировал – звуки привычные, обычные при посещении закутка женой. А потому сигнал тревоги в спящее сознание не посылался, и он продолжал мирно сопеть. Я присел на табуретку, посмотрел ему в лицо – никакого эффекта. Очень тихонько кашлянул – он мгновенно открыл глаза, увидел меня и бодро уселся на диване. И не скажешь, что человек глаз не смыкал ночь – свежий как огурчик!

"Привет бродяга!" – начал я с улыбкой, – "С кем ночь провел?"

Паша полез в карман за сигаретами, закурил: "У Славки

сидели, я, Колька, Вера и Наташа."

Наташа – это близкая подруга Веры, а Колька и Слава занимали одну комнату в доме, имеющему статус общежития.

"Неужто водку, пили?" – поинтересовался, потому что не представлял, какая может быть водка после гулянки, да еще в пять-шесть часов ночи. Теперь заулыбался Паша:

"Не, не было водки. Чай гоняли, и Славку с Верой уговаривали глупости не делать."

"Уговорили?"

Он махнул рукой: "Бесполезно! Ромео и Джульета придурочные!" – сделал паузу, выпуская дым из организма, и продолжил, – "Но по домам их развели. Веру к Наташе, ну а Славка с Колькой у себя остались."

«То-есть, до кровати дело не дошло," – подытожил я услышенное. И Паша согласно кивнул головой: "Не дошло."

Скрипнула дверь, и мы разом обернулись на звук. Не заходя внутрь, Люда скомандовала:

"Не вздумайте здесь похмеляться, я все приготовила, дома."

"Тогда чего ждем?" – приятель глянул на меня и начал с дивана подниматься.

Выпили по паре рюмочек и разошлись – в одиннадцать встретимся в kernоразбсрочной, приводить все в порядок после вчерашней гулянки.

Появился я там во-время и был весьма удивлен. Если раньше мыть посуду, полы, разбирать столы и т.д. приходи-

ли очень немногие, самые сознательные, то сейчас в керно-разбросочной толкалась чуть ли не половина геологического коллектива. И одновременно с уборкой шло оживленное обсуждение вчерашних событий, в основном всего, что касалось неожиданно появившихся Ромео и Джульеты партийского масштаба. Очевидно очень разное отношение к данному событию и конкретно к каждому из его участников. Все мужики Славу ругали прямым текстом, зная его донжуанство, ветренность и неспособность увлечься более чем на неделю. Ну никак не представляли его мужем, явно человек не нагулялся! Любовник – да, здесь он на месте. Но тогда зачем замужней женщине открыто, на виду всех голову морочить! Делай это незаметно – и нет проблем. Мужики слова плохого не скажут, а женщины, если и заметят, поулыбаются и все. Может еще и повздыхают, что не их обхаживают.

Верочку мужики называли "дурой бабой", уверяли, что счастье со Славой у нее кончится через неделю, и на вопрос-"что дальше будет" – отвечали уверенно: "А ничего. Вернется Верочка к мужу, поругаются и помирятся. До кровати-то дело не дошло. А Славу в другую партию переведут, на всякий случай, для общего спокойствия."

У женщин оценка событий была в двух вариантах. Первый высказывала молодежь, еще не замужняя или выскочившая замуж только что: "У них любовь с первого взгляда! А любовь важнее всего на свете, поэтому мешать Славе и Верочке не нужно, они образуют новую семью и будут счастливы всю

жизнь». И потише добавляли: "Да и муж "бывший" у Верочки – сами видите, не пара ей."

В этом они отчасти правы. Действительно, Вера живчик, за словом в карман не лезет, кампании любые обожает. А муж, пока еще официальный, а не бывший, действительно не очень разговорчив, не очень компанейский и по работе тоже "не очень". И некоторые из молодых и даже замужних при разговорах столь умильно закатывали глазки, что впечатление создавалось определенное: очень жаль, что любовь Славы не на них пала.

По второму варианту оценивали события женщины взрослей, жизнь повидавшие и кое-какой опыт имеющие. Доставалось от них мужикам, как Славе, этому "чертовому балагуру", так и Веринуому мужу, "тихоне", "размазне" и совсем уж оскорбительно – "бабе". Верочку больше жалели, потому что "глупенькая", с мужем не повезло, и новый "обалдуй", то-есть Слава, тоже не золото, а "кобелина хорошая". В том, что ничего хорошего парочку не ожидает, были уверены и они. Большинство считало, что вернется Вера к мужу, если тот, конечно, сможет ее простить, и лишь немногие полагали, что новая семья может и образуется, но счастье Верочке при этом «бабнике» вряд ли светит.

Порядок в kernоразборочной навели, разбежались по домам. Времени немного прошло, и вновь начали собираться, теперь небольшими компаниями на праздничные обеды. И снова разговоры, споры, предсказания судьбы всех троих

участников мелодрамы. Как любовь на людей действует! Даже если не очень-то красивая, и отношения к тебе не имеет никакого!

Ближе к вечеру все явно подустали: половину ночи интенсивно работали руками и ногами в танцах, и сутки чаще стаканов ничего в руках не держали. Я собрался сделать завершающий вечерний обход друзей, после чего можно и в кровать. Но идти ни к кому не пришлось. По пути к себе заглянул Паша, вдвоем уселись на крыльце. Он поздравил мою жену, и когда та подошла к нам, выдал:

"Ромее и Джульета торжественно прошествовали в кровать. А Кольку на ночь из дома выгнали!"

"Вот дурачки-то!" – отреагировала жена и побежала к подруге поделиться новостью. У меня же, примерно такой вариант развития "любовного" романа предполагавшего, с предчувствием большой неприятности вырвалось:

"Легко со смехом любовь начали, плохо и со слезами ее закончат."

Еще денек отдохнули, и с новыми силами включились в работу. Снова поле, опять обеспечить всех работой, да еще и с запасом; новые проблемы геологические. Слава и Вера крутились между нами и вид имели счастливых абсолютно. Хотя все знали, что вызывались они для беседы с начальником партии, главным геологом и председателем профсоюза, где им было сказано много нелицеприятного. Но просьбы и требование "одуматься" они выдержали легко, чего нельзя ска-

зять о другой стороне, видя там хмурые и озабоченные лица.

До шестого мая в поведении как их начали называть "молодых" все было привычным: счастье на лицах, телячьи нежности, передвижение только под ручкой. Уже к такому пригляделись, попривыкли и остро реагировать перестали. Знали, что начальник партии начал добиваться их перевода в другое место, а пока официальный муж Веры сам собирает вещи, тоже куда-то уехать. Все правильно, и его, и начальника понять можно, на их месте каждый поступил бы точно так.

А шестого мая "молодые" на работу явились порознь и с лицами хмурыми. Близкие друзья и подруги конечно поинтересовались, что там у них случилось, но вразумительного ответа не получили. Дальше – больше. К восьмому мая "молодые" уже и не смотрели друг на друга, старались не пересекаться на работе; Вера ночевала у подруги Наташи, а Коля вернулся к себе в комнату, временно служившую гнездышком "молодых".

Восьмого мая после работы мужики решили попить пивка с соленой рыбкой. Устроились возле керноразборочной во дворе, и просидели с разговорами до темноты. К концу посиделок появился Слава, прилично выпивший. Молча сел, пил пиво и слушал что там говорил развеселый окружающий народ. Вначале его не трогали – видно, что парень не в радости, но потом кто-то поинтересовался как у них дела, то есть у Славы и Веры. Слава еще больше нахмурился, махнул рукой и сказал то, о чем мы уже догадывались:

"Все, любовь кончилась. Расстались мы."

Никто к нему с расспросами приставать не стал, и так человеку не по себе. И вскоре разошлись по домам.

Часть 3

Трагедия. Любовный роман кончается убийством

Проснулся от громкого стука в дверь. "Кого черт несет в такую рань?" – успел подумать, пока жена, переворачиваясь на другой бок, не пробормотала сердито:

"Открывай, это точно не ко мне."

Стук продолжался, пришлось вставать и идти дверь открывать. На пороге стоял Паша, напряженный, с бледным лицом и широко раскрытыми глазами:

"Славу убили!" – только и смог вымолвить.

"Как убили?" – вырвалось непроизвольно.

"Дома, прямо в кровати. Мы с Колькой пошли его проверить, а он в кровати и не дышит!" – в явном состоянии стресса Паша говорил непривычно, с неким подзаикаиванием.

В голове мгновенно понеслись мысли: почему это Паша шел с Колькой, если тот должен ночью быть рядом со Славой, раз занимают они одну комнату; как давно Паша Кольку встретил и где, ну и так далее. Но сказал другое:

"Подожди минуту, я оденусь."

Залезал в брюки с такой скоростью, что показалось жене

подозрительным. Из соседней комнаты донеслось:

"Ты куда?"

Не стал говорить страшную новость, еще успеет узнать; сейчас лучше для нее полежать спокойно:

"Спи, скоро вернусь," – и вышел из дома.

В темпе ноги понесли нас к месту трагедии, в другой конец поселка. Паша молчать не мог и посвящал меня в приключения со вчерашнего вечера, с того момента, когда народ начал расходиться после "мальчишника" возле керно-разбсрочной. Вдвоем с Колей они отвели пьяненького Славу домой, уложили в кровать. Потом показалось, что пива маловато. Вернулись к Паше в его закуток, где за бутылочкой просидели сколь могли. После чего уже хорошенькие умотились на диван немного отдохнуть. Часа через три-четыре Паша проснулся, разбудил Коляна – похмелиться. Тот не против, но предложил пойти к нему – Слава-то вчера был очень "хороший", наверное и у него головка «болит». И пошли, по начавшему просыпаться поселку.

"Слава богу," – в мыслях попытался себя успокоить, – "ночь Коля и Паша вдвоем провели. Хоть какое алиби у них есть!"

Заходили они в комнату с уверенностью, что Славу обрадуют. А тот на кровати в крови, и явно не живой. Конечно, перепугались, но сообразили ничего не трогать, и побежали: Паша ко мне, Коля к начальнику Павлу Петровичу, его информировать и в милицию позвонить.

Возле дома, в котором лежал мертвый товарищ, пока никого. Само здание типично для поселка разделено на две половины, каждая с отдельным входом с противоположных сторон. Одну половину – большую изолированную комнату занимали Слава и Коля, вторую – две маленькие комнаты – молодые ребята, вчерашние школьники, пожелавшие побегать радиометристами в маршрутах.

Заходить в помещение не стали. По опыту совместной с милицией работы в прошлом году, когда искали украденную в партии золотосодержащую руду, прекрасно знал, что этого делать нельзя. Поэтому у крыльца остановились и смотрели сейчас по сторонам, с намерением не пускать никого до появления милиции или нашего начальника, Павла Петровича.

Через минуту его и увидели – вместе с Колей в темпе шагал сюда. Коля, не останавливаясь побежал дальше к проходящей рядом дороге в поселок Мирный, откуда должна появиться милицейская машина, а Павел Петрович подошел к нам, хмуро поздоровался и так же хмуро высказался:

"Доигрались в любовь, сукины дети! Себе жизнь поломали и другим нагадили выше некуда!"

Мы с Пашей потупили взоры и прискорбно вздохнули: сами хороши, не могли во-время развести парочку! Павел Петрович вместе с нами потолкался возле крыльца.

"И кто из них это сделал?" – не мог он больше держать в себе мысли по трагедии, – "сама дама или муж ее бывший?"

Паша промолчал, и отвечать пришлось мне:

"Так Вера с ним," – я кивнул в сторону дома, где лежал мертвый Слава, – "уже рассталась, наверное к мужу вернулась. Зачем им-то убивать?"

"Кто их поймет, зачем да почему!" – Павел Петрович не согласился, – "Только сделать это больше в партии некому!"

На дороге из Мирного появился Узик. Мы смотрели куда он направится – свернет к нам, или проскочит дальше. Забрал Колю, свернул, подъехал, остановился. Кроме Коли вылезли мужчина в штатском с сумкой, которого я знал как фотографа при милиции, шофер, и капитан в форме Михаил Новиков, мой приятель, с которым я на "ты" после совместной и очень плодотворной работы по поискам все той же пропавшей руды.

Михаил подошел, поздоровался со всеми за руку, мне поприятельски улыбнулся и подмигнул.

"В дом не заходили?" – обратился к Павлу Петровичу.

"Нет, не заходили," – ответил тот, а я добавил, кивнув в сторону Паши:

"Он был, когда труп обнаружили."

"Знаю, ваш парень говорил," – Михаил посмотрел в сторону молча стоящего Коли. Потом всех попросил: "Вы здесь чуток побудьте, пока комнату не осмотрим. Поговорить нужно». И вместе с приехавшим в штатском направился к двери.

Минут десять оставшиеся топтались возле крыльца. Наверное каждый придумывал свою версию преступления. У меня пока ничего не получалось. Как убийцу Веру я отмел

сразу – она хоть и шустрая, но никак не агрессивная, лишиться жизни точно не сможет. Ну если что муху, и то хлопнушкой на длинной ручке. И Валера – это муж Веры – вряд ли на убийство способен. Не тот он человек, нет у него ни жесткости, ни жестокости, да и особой любви к жене не замечалось. И если честно, его мужиком нормальным назвать трудно – рохля, размазня сентиментальная. В общем, на преступника не тянул. И кто тогда это сделал?

Если бы Славу убили не в кровати, а где-либо на улице, можно предположить случайность, разборку по пьяному делу. В этом отношении Слава тот еще тип, помахать кулаками любил. Но не с партийскими мужиками, а с приезжими из Мирного, к нашим девчатам. В данном случае разборка отпадала – Славу пьяненьким за полночь домой привели Паща и Костя, в постель положили, и ушли, когда тот заснул. Что-то с версией у меня явно не получалось. Тихонько поинтересовался у Паши:

"Как думаешь, кто убил?"

Тот замялся, затылок почесал и ответил очень неуверенно:

"Кто его знает, дело темное." И после паузы не то вопрос задал, не то мнение высказал: "Неужто Валерка?"

Павел Петрович разговор услышал и в него вклинился:

"А вы что, сомневаетесь? Да сделать такое другому и в голову придти не могло! Это же надо – в кровати зарезать!" И тоном поспокойней предупредил: "Смотрите, пока никому

ни слова, и в дом никого не пускать. Вон уже любопытные появились!"

Действительно, к крыльцу, возле которого маячил милицейский Уазик и толкалось четыре человека во главе с начальником партии, подбирались первые зеваки. А еще через пять минут, когда сюда подъехал из Мирного Рафик скорой помощи и из него вылезли люди в белых халатах, любопытные потянулись косяками.

Вскоре оперативник Михаил Новиков вышел на крыльцо, обвел приличную толпу взглядом:

"Есть кто из этого дома?"

Два молоденьких паренька откликнулись: "Есть!"

"Давайте сюда," – вместе с ними Михаил пошагал во вторую половину, где обитали вчерашние десятикласники, а ныне радиометристы. Наверное узнать, что слышалось и виделось молодежью прошлой ночью.

Непонятно как и от кого, но присутствующие у дома человек пятнадцать и подходили все новые, узнали о совершенном убийстве и кто жертва. Заметив, что Паша, Коля и я держимся рядом с Павлом Петровичем и полагая, что уж начальник все знает точно, а стало быть и мы тоже, начали подходить не к нему, а к нам с вопросами что да как. Я отмахивался: "Ничего не знаю», пока не заметил Владимира и Леню, спешивших к месту трагедии. Пошел навстречу, чтобы поговорить спокойно, без любопытных лишних взглядов.

Ребята встревоженно и в один голос: "Что там?"

"Не знаете еще?" – ответил вопросом на вопрос.

"Говорят, Славу убили. Неужто правда?" – начал Владимир как более разговорчивый и заводной с полуслова. Леня, типичный меланхолик по жизни, молчал, но слушать приготовился.

"Убили. Не знаю как, не видел. Паша и Колька утром нашли мертвым в кровати. И в крови все кругом."

"Кто убил тоже не знаешь?" – продолжил Владимир.

"Даже не предполагаю," – успел я начать, как Леня перебил:

"Да Верка его замочила! Сука баба! Не видели, что она со Славкой вытворяла? Точно его кокнула!"

В душе я улыбнулся: ну не любит Леня женщин, особенно тех, кто мужиков меняет так вот, как Вера. Ну как перчатки: нравятся – носит, а надоели – сняла и забыла, нашла новые. И его можно понять: жена оказалась такой же, ушла к другому. А Леня однолюб, еще не отошел душой от такой, как он выражался, "подлости".

Я не стал его точку зрения опровергать, хотя был уверен, что Вера здесь не при чем, и повернулся к Владимиру:

"А по твоему кто это сделал?"

Лицо приятеля отразило явную неуверенность в мыслях, и ответ подтвердил это:

"Не знаю. Может Валерка так отомстил?"

"За что?" – возмутился Леня, – "За свою пигалицу? Да не стоит она того. Если б это Валерка сделал, то сразу, а не ждал

десять дней, пока они натрахаются и разбегутся!"

Еще раньше к нашей троице направилось несколько человек из любопытных. Посчитали, что я кое-что знаю и со своими друзьями информацией делись. Сейчас они подошли совсем близко и я предложил:

"Давайте тему сменим, а то эти любопытные разнесут, что Вера и Валерка убийство и сотворили."

Наверное с час мы протолкались возле дома, потом из него вышел оперативник, позвал Павла Петровича, и вместе с ним забрался в Уазик. О чем говорили – слышно не было, но мог поручиться, что тема любовного треугольника – Слава – Вера – Валера – наверняка обсуждалась. Скоро в этом убедился: Уазик зарычал и рванул в поселок. Минут через двадцать вернулся, на минуту в сторонке остановился, пока из него вылезали Павел Петрович и Михаил. И сразу рванул дальше, увозя в Мирный, как все заметили, Валеру и Веру.

Увидев такое, народ у дома интенсивно задвигался, зашумел, зашушукался. Слышались реплики: "уже арестовали", "вдвоем убили", "повесить мало", и тому подобное.

Михаил Новиков прошел в дом, на этот раз захватив с собой Пашу и Колю, кто мертвым первыми Славу и увидели. Наверное, сейчас будут по минутам вспоминать, что и как делали всю ночь и утро – убеждать оперативника, что убийство не их рук дело. А я подошел к Павлу Петровичу и шепотом поинтересовался:

"Зачем парочку в Мирный увезли? Эдесь не могли с ними

поговорить?"

"Они – первые подозреваемые," – услышал в ответ, – "здесь просто разговором не обойдешься." По моему лицу понял, что в эту версию не верю и добавил: "Алиби на ночь ни он, ни она предъявить не могли. Хуже того, всю ночь где-то шаршились!"

Число любопытных возле дома незаметно стабилизировалось. Теперь постоянно толкалось человек двадцать-двадцать пять. Конечно, новые подходили постоянно, но столько же, любопытство удовлетворив и посчитав неприличным ротозейничать и дальше, уходили. Тем более и о празднике забывать нельзя, как никак, а день великой победы. Жены, моя и моих приятелей, тоже приходили. Послушали народ, повздыхали – "вот как дело обернулось" – и ушли.

Вскоре из Мирного вернулся милицейский Уазик, с одним шофером. И почти сразу же подъехал еще один – привез визуально знакомого мне следователя, который на два поселка – Пионерный и Мирный один.

Еще через час накрытое простыней тело Славы на носилках вынесли из дома и погрузили в Рафик скорой помощи. Народ зашумел, завздыхал, кое-кто из женщин заплакал.

Когда Рафик труп и медработников увез в Мирный, любопытные начали расходиться. Еще через десять минут Михаил с Пашей и Колей из комнаты вышли, залезли в Уазик и куда-то умчались. Вернулись через пол часа, ребят оперативник отпустил, а Павла Петровича и меня пригласил в ком-

нату.

В ней все уже закончено: сфотографировано, изучено, на-верное и отпечатки пальцев сняты. Кровать, конечно, выглядела ужасно, с кровью на простыне, одеяле и даже на полу.

Павла Петровича, как начальника партии, следователь знал отлично. Приходилось им периодически встречаться по поводу редких несчастных случаев, или чего-то криминального. Меня он тоже знал, по прошлогоднему делу о хищении руды, поэтому представлять никого не требовалось. Предложили нам присесть на вторую – Колину – кровать, пару минут поболтали на тему отвлеченную: что-то партии "везет" последнее время со "жмуриками". Потом следователь попросил Павла Петровича рассказать, что он об убийстве думает, кто мог сделать и почему.

Не буду повторяться – на эту тему Павел Петрович свое мнение мне высказывал не раз. Сейчас его повторил с выводами: месть со стороны брошенного мужа новому кандидату на его место. Или же месть любовнику за обман и невыполнение обещания стать новым мужем.

Слушали, согласно поддакивая и кивая головами. Все, кроме меня.

"Очень похоже, что кто-то из них и убил," – подвел итог следователь. "По крайней мере алиби ни у кого. Женщина», – он заглянул в бумаги, – "с пол первого ночи и до рассвета, часов до шести, в доме, где ночевала последние дни, отсутствовала. По ее словам, гуляла вокруг поселка и дума-

ла о жизни. Муж хоть и говорит, что сидел дома, но соседи его не ви-дели и не слышали. А спать легли далеко за полночь, праздник отмечали. И парню несколько раз стучали – пригласить к себе, от мыслей по поводу жены-обманщицы отвлечь. Так что парень тоже где-то шатался в одиночестве, в других кампаниях его не замечали. А может не один, вдвоем с женой и шастали, план мести обдумывали." И наверное больше для проформы обратился ко мне: "А вы как думаете?"

"Не верю," – ответил убежденно, и тут же выдвинул совсем слабенькую версию: "Может несчастный случай? Зашел кто-то по пьяни случайно, видит спит человек, ну и решил слямзить ценное. А Слава, то-есть потерпевший, проснулся, и убили, как свидетеля."

"Нет, не получается," – следователь еще раз глянул в бумаги, – "убит он круглой заточкой диаметром до полтора сантиметра и длиной не менее сорока сантиметров. Сами понимаете, что такую длинную вещь просто так с собой не носят, прятать очень сложно. И получается, что приходили именно убить, и ни для чего иного. И потом, удар нанесли сверху вниз в спину спящему. А на груди выходных отверстий два. То-есть после первого удара заточку немного из тела выдернули, но не полностью, потом еще раз на нее надавили. А может и несколько раз, чтобы убить наверняка."

Не согласиться было невозможно, и я смог сказать одно:

"Тогда такое сделать женщина не могла. Сил не хватило

бы."

Следователь задумчиво помолчал, потом частично со мной согласился:

"Очень может быть. Но как соучастница она подходит идеально." И уже всем нам уверенно: "Видели, как женщины возле дома плакали? А она слезинки не проронила, и слов сочувствия от нее не услышали! Спросите Михаила Ивановича," – кивнул на оперативника, – "он с ней общался!"

Павел Петрович и я на Михаила глянули, и тот подтвердил:

"Да, стерва баба!"

"Вот так-то!" – еще раз следователь подчеркнул убежденность в причастности Веры к убийству. И в основном для меня продолжил: "Хотя другие версии мы не забываем. И с ребятами, что тело нашли, придется поработать, алиби-то у них пока никакого, и с окружением убитого разобраться повнимательней." Он перевел взгляд на Павла Петровича и его лично предупредил: "Так что завтра Михаила Ивановича ждите. Лучше, конечно сегодня с народом поработать, да толка не будет. Праздник, все уже выпили, или сейчас выпивают."

Следователь начал собирать бумаги в портфель, что присутствующие поняли как окончание беседы. И действительно, через пару минут все из помещения выходили. На прощанье пожав Павлу Петровичу и мне руки, следователь пошагал к Уазику, на котором приехал; работники милиции на-

чали устраиваться в своей машине. И через минуту обе запылили в сторону Мирного. Я, Павел Петрович и десяток остававшихся возле дома самых стойких зевак посмотрели им вслед. И начали расходиться.

Подозреваемые на виду, но они ли преступники?

Омраченный убийством, праздник победы отмечался в партии без обычного веселья. Если и собирались, то в компаниях небольших, по две-три семьи. У меня за столом кроме жены и сына сидела лишь ее подруга-соседка. Конечно, помянули Славу, еще несколько раз выпили. И все без воодушевления. Скоро я вообще из дома ушел, в огороде занялся делом, потому что женщины перешли в разговоре на темы, мне неинтересные и только прекрасного пола касающиеся.

Ковырлся в земле, но без обычного удовольствия. Убийство Славы из головы не уходило. На вопрос: кто это сделал – ответа я не находил. Но точно не Вера или Валера. На первый взгляд мотив у каждого из них был, и всем без исключения окружающим в глаза бросался. Что меня только больше в невинности парочки убеждало: люди абсолютно не агрессивные, можно сказать излишне мягкие – и вдруг убийство, которое обязательно постараются на них и повесить. Что практически и происходит. Понимать такое большого ума не требовалось, если человек совсем уж не свихнулся. Чего точно ни у одного не замечалось.

Кто к Славе ближе всего? Ну Коля, понятно. Вместе жили, вместе к девочкам бегали, вместе выпивали. Можно сказать, и Паша с ним приятельствовал, компании составлял. И до

последнего дня отношения наблюдались дружеские. Вон как Славу уговаривали глупостей не делать, о нем переживали и первыми нашли мертвым, когда с заботой о здоровье (полечить головку) пришли к нему домой. Так что Коля и Паша на преступников не тянули определенно.

Есть, правда, еще человек, но по моему, не приятель Славы, а компаньон по делу, интерес к которому взаимный, и проявлялся только во время работы. Это шофер горного цеха: отвезти рабочих в поле, привезти их в партию с работы, подвезти запчасти к технике, что-то перевезти в другое место. На все это из рабочего дня шофера уходило ну если три четверти времени. А одну четверть, когда представлялась возможность, Слава и шофер тратили на дело личное и очень прибыльное: проехать по степи и собрать рога падшей за зиму сайги.

Вокруг этих костных придатков уже давно жуткий ажиотаж. Прямо в партию приезжают люди восточной внешности, а точнее – китайской, часто при переводчиках, потому как русский не знают. И за товар платят большие деньги. Поэтому, хоть и неприятно, мы павших животных от рогов освобождаем, считая это дело легальным дополнительным приработком. И как я знал, у горного мастера и его личного шофера бизнес на рогах был приличным, доходней, чем у других полевиков, передвигавшихся на своих двоих, т.е. пехом. Но винить Славу в недоработке абсурдно, при необходимости он с лихвой возмещал затраченное время продлением

ненормированного дня. Получается, что и с шофером отношения у Славы были отличными, и портить их резона ни у кого не было. Да и жил шофер в Мирном, в партию приезжал только в рабочие дни по утрам, и уезжал после работы не задерживаясь.

А как у Славы с другими подчиненными – канавщиками и экскаваторщиком? Насколько знаю, инструментом и спецодеждой всех обеспечивал вовремя, наряды на выполненную работу на каждого закрывал по божески, не скупился и лишку приписать. То-есть, на первый взгляд отношения были нормальными, хотя не исключено, что я просто не информирован в деталях.

Ну кому мог Слава так насолить, что решились на убийстве? Или не только Веру у мужа увел, а и еще кого-то соблазнил из замужних? И сделал это так осторожно, что со стороны никто не заметил очередного романа? А вот муж узнал, и шума не поднимая, обидчику отомстил!

В принципе возможно, но вспоминая обозримое прошлое, я не находил среди бывших Славиных симпатий женщин замужних. Хватало ему молодняка свободного, особенно с началом полевого сезона, когда на временную работу орава молодых пацанок принималась. И часто с очень свободными нравами

Возможно, Слава натворил что-то в Мирном. Все мы туда частенько наведываемся побегать по магазинам, попить пивка. И он от других не отличался. А женщин там – на каждом

шагу, "полюбовиться" с одной из них Слава мог запросто. За что и поплатился.

Больше ни умных, ни глупых мыслей, касающихся преступления, в голову не приходило. Еще раз в памяти перебрал всех, кто Славу окружал в последнее время и понял, что об этих товарищах знаю немного – кроме как о Коле и Паше. И совсем ничего о других, абсолютно реальных, но в поле моего зрения не попавших.

А желание разобраться во всем появилось. Ну не верю в виновность Веры и Валеры! Вспоминал, думал, предполагал и в итоге возможные ситуации, которые могли привести к убийству, разложил по порядку, с учетом вероятности их возникновения.

Первая: пока неизвестный конфликт с кем-то из подчиненных. Попадали сюда рабочин-канавщики, экскаваторщик, шофер машины горной службы.

Вторая: недавний (до Веры) и уже закончившийся роман с замужней женщиной у нас в партии, о котором узнал муж и со Славой расчитался.

Третья: Слава что-то натворил в Мирном, возможно тоже замешана женщина.

Четвертая: старые грехи Славы, еще до его появления в партии.

Пятая: случайный конфликт с кем-то посторонним, причем тет а тет.

В первых трех ситуациях я мог попытаться разобраться.

Проходили они рядом, и если не на моих глазах, то на глазах знакомых точно. В четвертой и пятой делать было нечего из-за отсутствия хоть каких зацепок и невозможности (для меня) получить их по делам если и имевшим место, то непонятно где и непонятно когда. Здесь под силу поработать только оперу, то-есть Михаилу, и для себя я на них поставил крест: что не могу, то нечего и пытаться.

Легче всего мне разбираться в ситуации первой- с подчиненными Славы. Прямо в поле к каждому подойти, побеседовать на тему: кто того мог невзлюбить, были ли для этого основания и кого они касались. И, конечно, что каждый думает по поводу убийства своего начальника. Вот с этого и решил начать.

Ближе к вечеру почувствовал дефицит в общении. Жена давне ушла, а сидеть одному в праздник просто неприлично. Решил навестить Пашу, разузнать куда его и Колю оперативник возил и что хотел от них получить.

Неприлично трезвый приятель с серьезным видом смотрел в книгу. Жена Люда удивлена таким его поведением не меньше моего, и на вопрос что с мужем, ответила шепотом:

"В обед даже не выпил. Напугал его капитан этот, ну с кем сюда приезжал."

"А для чего приезжал?" – поинтересовался тоже шепотом.

"В сарае все осматривал, потом в доме шмотки Пашкины перебирал. И напугал, что алиби нет ни у него, ни у Николая." Это она сказала нормальным голосом, а уже командир-

ским мужу наболевшее выдала: "Допился, черт ненормальный! Еще и в тюрьме насидится!"

Тот на диване сидел молча и вид имел жуткого страдальца. Пришлось успокоить:

"Да не слушай ее, никуда тебя не посадят!"

Паша прискорбно вздохнул. Чтобы мужика от мыслей нехороших отвлечь, самое лучшее из дома вытащить и чем-то занять. Я и предложил:

"Вставай, пойдем погуляем."

Паша послушно поднялся и как лунатик двинулся за мной на выход.

"Смотри, не напейся!" – успела дать ценное указание супруга.

Прогулялись мы недалеко – до Владимира, где застали его вместе с Леней во дворе дома, возле банки с пивом. Нас тут же усадили рядом, обеспечили стаканами. И пошел разговор, конечно все о тех же прискорбных событиях сегодняшнего дня. Подумать о происшедшем время у ребят было, и меня интересовало, кого они убийцей считают сейчас, когда первые бурные эмоции позади и не мешают голове реально оценивать событие.

Вначале узнал, что беспроволочный телеграф в партии работает отлично и ребята знают об отсутствии Веры и Валеры ночью там, где они должны были спать. То-есть, что они ночь непонятно где провели. Я уди-вился:

"Откуда знаете?"

Теперь моей наивности удивился Владимир:

"Да капитан твой (это он ввду имел Михаила, с которым я для них вроде приятеля) соседей Верки и Валерки пытал! А те их не видели и не слышали. Ну и растрепали по всей партии!"

Вот народ у нас общительный! Наверное все знают, что и у Паши дома что-то искали. Как я полагал, не только кровь на диване и шмотках, но и орудие убийства, что-то круглое, длиннее, с конусной заточкой. Но об этом промолчал и у Владимира же поинтересовался:

"И как теперь? Кто по твоему Славу убил?"

Утром на этот вопрос он вопросом и ответил очень неуверенно – "Неужто Валера?" Сейчас в голосе чувствовалось убеждение:

"Да Валерка, кто ж еще! Может и Верка ему помогала!"

Вот так! Отвезли парочку в милицию, народ увидел – и все, убежден, что они преступники и есть! Ответу я конечно удивился: Валера и Вера коллеги наши, всегда были на виду, всегда вели себя очень прилично и никак даже в мелочах на преступников не тянули. Но тему эту развивать не стал, поинтересовался у Лени:

"А ты как думаешь?"

Тот утренней убежденности не потерял:

"Верка замочила! Если и не сама, то дело организовала она точно!"

"А Валера?" – решил я уточнить.

"Валерка пентюх и тряпка! Что она ему скажет, то он и сделает!" – в этом Леня прав, но общая неприязнь к женщинам из него прямо рвалась на свободу.

Стало очевидным, что мою убежденность в непричастности к убийству Веры и Валеры никто из друзей не разделяет, как наверное и остальной партийский народ. Мнением Паши я и интересоваться не стал – мужик озабочен как бы самому в подозреваемые не попасть, потому трезво думать сейчас не в состоянии.

Домой вернулся в сумерках. И жена, на минуту раньше там же появившаяся, чуть-чуть обрадовала:

"Вера из Мирного вернулась, отпустили под подписку о невыезде."

"Слава богу, хоть ее!" – не мог скрыть удовлетворения, – "Надеюсь и Валера там долго не задержится!"

Жена глянула на меня с удивлением:

"Думаешь они к убийству отношения не имеют?"

"В этом убежден!" – и вопрос задал – "А женщины в партии что думают?"

Света ответила, но не сразу и как-то неуверенно:

"Некоторые молчат, но большинство считает, что к убийству они причастны."

Часть 4

Подозрительная находка в степи

Десятого мая нормальной работы не получилось. Утром в камералке появился оперативник, и наш начальник, Павел Петрович, предложил геологам никуда не отлучаться. Вдруг кто-то потребуется ему для беседы.

Вскоре Михаил ее и начал, с подчиненными Славы. По очереди вызывал канавщиков, экскаваторщика, шофера. Часа за полтора нужное у них выяснил, и с приличной задержкой трудяги в поле все же отправились.

А геологи и геофизики маялись в ожидании. Вид имели деловой, но мысли витали далеко от карт, накладок и прочих бумаг, лежащих перед каждым. На перекурах разговор вели о вчерашней трагедии, об ожидаемом приезде родственников сразу трех человек - Славы, Веры, Валеры. Предполагали, чем этот приезд может закончиться, не дай бог разборкой между ними.

Вера в камералке появилась, но привычного смеха от нее никто не услышал. Молча пришла, показала, и молча ушла. Народ к ней отнесся сдержанно, плохого никто не сказал, но и хорошего тоже. Теперь, когда из милиции выпустили, убийцей ее не считали, но в какой-то мере виновной в

случившемся были уверены. И только Татьяна, поймав меня в коридоре, отличное от остальных убеждение высказала вопросом:

"Юрий Васильевич, неужели и вы Валеру и Веру в убийстве подозреваете?"

На что с удовлетворением заметил:

"Никогда! И слава богу, что ты в это не веришь, наверное единственная из женщин!"

Татьяна улыбнулась, и конечно не могла лишней раз не напомнить:

"Вот, Юрий Васильевич, я всегда в вас верила и не зря люблю, пока безответно!"

В нашей комнате Владимир и Леня что-то пытались делать, но по моему, в мыслях было одно: когда оперативник позовет, и о чем будет спрашивать. А Паша не скрывал беспокойства – крутился, вставал, садился, что-то перебирал руками, шаркал ногами. При этом отрешенно смотрел в стену напротив с выражением на лице полной обреченности. Так до обеда и просидели, очередь до нас у оперативника не дошла.

Перекусив, я не стал задерживаться дома до конца перерыва, а побежал к месту вчерашней трагедии. Хотелось проверить одно предположение: если убийство умышленное, то исполнитель должен предусмотреть безопасные пути подхода и ухода с места преступления. А дом, где жил Слава, стоит на краю поселка и незаметно к нему ночью легко подойти по

пустой степи со стороны Мирного, вдоль дороги, которая к нам из него и ведет. Не должен убийца с длинной и подозрительной железякой в руке таскаться по партии, где освещение ночью все же есть в виде редких фонарей на столбах.

Сейчас я в степь за страшным домом вышел и челноком, как сеттер на охоте, начал удаляться от него, внимательно все в траве и кустах осматривая. Надеялся, что орудие преступления где-то здесь могли бросить.

Выискивал я непонятно что долго. Обеденный перерыв давно кончился, но я в камералку не спешил – работы сегодня все равно никакой, а к оперативнику для беседы рассчитывал попасть последним. Возможно, что-то мне и расскажет, по приятельски.

С пол километра отошел от поселка, ничего подозрительного не заметив. Начал ходить кругами, постепенно увеличивая радиус. Из посторонних предметов, то-есть появившихся в степи по воле человека, находил поломанные деревяшки, половинки кирпичей, ржавые гнутые арматурины, трубы. Но ничего похожего на тонкий, длинный, круглый и заточенный стержень в глаза не попадало. Неожиданно в траве заметил кусок серой материи с непонятными пятнами на ней. Не выгоревшая тряпка и в степи? Подозрительно. Начал рассматривать ее внимательно. Возможно, кусок от старой рубашки, видно что оторван от другого куска, в свое время аккуратно вырезанного острым предметом. Пятна – явно кровь, но не в каплях, а в мазках. Вроде как ее стирали

с какого-то предмета. И стирали не так давно – кровь если и не свежая, то никак не древняя. Может здесь убийца оружие преступления вытер и здесь же где-то бросил? Но тогда зачем кровь стирать? Что-то у меня не вязалось. На всякий случай тряпку аккуратно свернул, стараясь лишней раз не лапнуть – вдруг опечатки пальцев есть, положил в карман. Побегал вокруг в поисках чего-то длинного, тонкого, острого. Ничего не нашел. И пошагал к камералке, придумывая откуда могла появиться в спеси тряпка с кровью и имеет ли она отношение к преступлению. Ничего толкового так и не придумал.

Как и надеялся, поговорить с Михаилом удалось в самом конце рабочего дня, когда за ним из Мирного приехал милицейский Уазик. Все же мы приятели, и я позволил себе поинтересоваться:

"Когда Валеру отпустите?"

Михаил хмыкнул, улыбнулся:

"Наверное скоро. Что-то не получается у меня. Алиби у него, конечно, нет, но и Фактов причастности к преступлению тоже."

"А оружие убийства? Все, наверное, в партии облазил,» – я спросил так, для проформы. Считал, что не нашел Михаил никаках "орудиев».

"Ничего не нашли," – подтвердил он мою уверенность, – "Хорошо спрятал кто-то!"

Я молча достал кусок материи со следами крови, осторож-

но развернул и положил на стол перед оперативником. Глаза у него моментально загорелись:

"Где взял?"

Пришлось рассказать, что делал только что в степи и где тряпку нашел. Затем пришлось ехать к месту находки, показывать Михаилу. Благо, машина милицейская оказалась под рукой. Оперативник и шофер, как в свое время и я, кругами побегали, но ничего конечно не нашли. После этого подвезли меня к камералке, высадили возле нее и умотали в Мирный, вместе с моей находкой. На прощание Михаил не то попросил, не то посоветовал:

"Ты здесь бдительности не теряй, посматривай вокруг. Может что интересное и заметишь. Глаз у тебя – алмаз!"

Пропажа у электроразведчиков

В мое отсутствие в партии появились родственники Славы: отец, мать, два молодых человека. Устроили их в гостинице. Родители, конечно, в слезах, вид – совершенно убитых горем. Они как зашли в отведенную комнату, так из нее и не выходили. Двое сопровождавших их парней быстро устроились и вышли, как говорят, к народу. Интересовались, что и как со Славой произошло, кто это сидит в Мирном в милиции, кто женщина, из-за которой все случилось.

Начальнику нашему, Павлу Петровичу, такие распросы очень не понравились. И со своей стороны он предпринял ответные действия: поручил Лене в паре с большущим мужиком из бурового цеха постоянно сопровождать любознательных приезжих и попытки любого конфликта с их стороны пресекать на корню. Леня был страшно недоволен поручением, что при случайной встрече со мной и высказал:

"Эта кукла (т.е. Вера.) считай человека убила, а я ее и охраняй, не дай задницу надрать!"

Я возмутился:

"Но ее выпустили, значит не виновата!"

"Да уж конечно!" – для Лени этот факт не был убедительным, – "На Валерку убийство повесила, потому и выпустили!" – еще раз подтвердил убежденность в виновности Веры, и побежал догонять подопечных.

А вечером ко мне зашел немного оживший Паша. Из разговора с оперативником он понял, что убийцей его не считают, но подозревать обязаны – алиби-то нет. А потому и взяли подписку о невыезде, на всякий случай. Сейчас у меня поинтересовался:

"Вы завтра в поле едете?"

Попасть туда край как нужно. Три дня бездельничали, и как я знал, послезавтра с утра тело Славы отдадут родственникам везти и хоронить по месту жительства родителей. Стало быть, придется ребятам нашим и в морг ехать – Славу в последний раз одевать, потом в гроб положить, везти в партию попрощаться с товарищами. И наверное, что-то вроде поминок будет. То-есть в этот день поле отпадает и завтра попасть туда нужно обязательно. Но Пашин вопрос меня удивил:

"А ты сам? Что, не едешь?"

Теперь он захлопал глазами: "Так у меня подписка о невыезде!"

Не засмеяться я не мог: ну Паша, ну надо же все понимать так прямолинейно! Пришлось просвятить:

"Ничего, в поле можно и с подпиской! Сам знаешь, что для проформы она, чтобы на Михаила начальство бочку не катило!"

Паша обрадовался: "Если так считаешь, то и я с вами поеду!" – ответил с воодушевлением. На мгновение замер и уже серьезно, как заговорщик, посвятил меня в большую тайну: "Он и знать не будет!"

Вдвоем прошли к Владимиру, предупредили и его, что завтра поле. И разошлись по домам к нему готовиться.

Утром, когда в камералке собирали нужные для работы причиндалы, Игорь Георгиевля заглянул в нашу комнату и попросил меня зайти к нему. Сразу и пошел, зная что на ерунду отвлекать от дела главный геолог не будет.

Шеф мой непривычно серьезен и озабочен. И делами не по работе. Сложную гамму переполняющих его чувств – грусти, переживаний, вины – я ощущаю безошибочно. Он это замечает, и вместо обычного приветствия говорит о том, что его в такое состояние привело:

"Вчера родители Славы заходили," – глянул мне в лицо, махнул рукой и глаза опустил, – "сплошные слезы. И Валентина (это его жена) плакала, и сам еле от слез удержался."

Зная невероятную порядочность своего руководителя, обостренное чувство ответственности за все и всех по жизни и работе, нисколько его сетованиям не удивился. Ну не такой человек "толстокожий", как я, и скрыть переживаний не может! По опыту общения знал, что Игоря Георгиевича успокоить невозможно. Но что-то отвечать нужно и сказал первое, пришедшее в голову:

"Представляю, о чем вы говорили. Я на такое не способен, не умею людей успокаивать, смотреть им в глаза, когда знаешь, что все – пустые слова."

"Сам не представляю, как вынес," – Игорь Георгиевич сделал вид, что мысли неприятные из головы прогнал, и чуть

бодрее предложил – "Ладно, давай о работе. Валера сидит в милиции, а он у тебя на участке электроразведку вел. Надеюсь, что его выпустят, но пока вместо него будет Сергей. Я его в курс дела ввел, еще вчера. Сегодня с бригадой в поле едет, вместе с вами. Так что не забудь их в машину посадить и домой забрать. Но главное – на местности Сергея соориентируй. Объясни и покажи колышки разбитой сети – профиля и пикеты. И хорошо бы навесить разочек в середине дня, посмотреть, как у него получается."

"Без проблем, все сделаем!" – ответил, как и положено.

"Тогда вперед!" – Игорь Георгиевич напутствовал уже с улыбкой.

На участке я первыми высадил геологов, потом подвез к неширокой долинке между сопок электроразведчиков, пять человек, и детально объяснил их начальнику Сереже ситуацию на месте. Убедился, что он все понял, и пешечком пошагал делать свою работу. Машина осталась при электроразведчиках, перевозить при необходимости аккумуляторы, железяки заземления, кувалды, мотки провода и прочее.

Половину рабочего дня я бегал по сопкам с фотопланом, разбираясь в геологии. Пришла пора перекусить, а заодно посмотреть, как там Сережа справляется с новыми для него обязанностями.

Вскоре я подходил к машине, надеясь застать электроразведчиков за обедом – время для него как раз. Но в машине жевал только шофер; остальные на профиле выполняли

обычные действия: перетаскивали заземления и провода, на нужных местах загоняли штыри заземлений в землю, после чего Сергей снимал замеры с прибора. В общем, шла работа, и пока я перекусывал вместе с шофером, никто к нам не подошел.

"Что-то они долго на обед не идут," – заметил я, кивнув в сторону трудяг.

«И не придут," – услышал в ответ, – "рубали часа полтора назад."

Пришлось удивиться: "А почему рано так?"

"Потеряли что-то. Искали долго, ругались, потом у меня монтировку забрали," – объяснил шофер, – "К монтировке провод прикрутили, не знаю для чего. Потом тормозки прикончили и пошли дело делать."

Пришлось мне на профиль идти, узнавать что случилось и как дела.

"Ничего особенного," – Сережа явно не в духе, – "Заземления одного не оказалось. Спер кто-то, а мы, когда в машину грузились, не заметили. Хорошо у шофера монтировка была, ее использовали вместо электрода. Неудобно конечно в землю забивать, но не сидеть же без дела!"

Молодец Сережа! Конечно, лучше пропажу заметить в партии, но все же выход из положения нашел. Не стал его отвлекать от работы – в остальном все было в порядке – и ушел, вернее шофер на машине к нужному месту меня подбросил.

День пролетел быстро. Так всегда, если по работе все по-

лучается легко. Для меня как геолога главное – разобраться в породах, слагающих участок, найти для каждой индивидуальныe, только ей присущие визуально наблюдаемые признаки. А если сказать проще – никогда их не путать. И тогда дело идет, в основном работают ноги: больше бегаешь, быстрее друг от друга отличимые породы прослеживаешь. Только успевай фотоплан с местностью сличать, нужные обнажения к нему безошибочно привязывать, да все увиденное карандашиком зарисовывать. Сегодня у меня именно такой день, когда голове сильно и напрягаться не приходилось. Ну а ноги, пока с участка до партии ехали, успели отдохнуть.

Возле камералки геологи и радиометристы из машины вылезли, и она зарулила к кернаразборочной, куда на ночь сгружалось громоздкое оборудование электроразведчиков, и где оборудована комната для подзарядки аккумуляторов.

В камералке встретил непривычно веселый Леня. Сегодня в поле его не пустил Павел Петрович, приглядывать как и вчера за родственниками Славы он считал более важным делом. Но за наше отсутствие что-то произошло, раз Леня сидит на рабочем месте, да еще и веселый. Интересуюсь:

"Почему не на боевом посту? Ты же сегодня вроде телохранителя."

Леня смеется:

"Надобность пасти отпала! При мне родственники Славы с Веркой встретились и поговорили."

"И что из этого получилось?"

"Нормально все, к бабе претензий они не имеют." – обвел нас взглядом человека, отлично выполнившего служебный долг, и с удовольствием донес мнение приезжих о женщине – "Правда, потом они Верку стервой назвали!"

Леню выслушали и молча начали выгружать из сумок и рюкзаков привезенные образцы пород, а чуть позже – поднимать тушью карандашные зарисовки на фотопланах. Веселый друг наш недолго помолчал, потом решил поделиться последними новостями:

"Веркины родители приехали. Остановились у ее подружки, Наташи. И Верка там же обитает. А Валеркины родители сегодня вечером приезжают, Наташка недавно побежала убраться в его доме. Бардак там сами знаете какой."

"А Вера, что, не могла свою хату прибрать?" – встрял в разговор Владимир – "Все же дом почти родной, да и Валерка пока муж законный!"

"Многовато хочешь от стервы!" – не побоялся Леня так оценить несчастную женщину, и только после этого затронул тему другую: "В поле завтра убежать не мечтайте. С утра поедем Славу из морга забирать, потом всякие мероприятия траурные. А вечером поминки. Все Павел Петрович расписал и мне поручил об этом вас предупредить."

Полевики повздыхали, представив что у них впереди, но молча. Не впервой в партии траурные мероприятия, и самую неприятную, но необходимую работу приходится выполнять нам, мужикам зрелым и смерть близких уже повидавшим.

Закончив дела, ребята засобирались разбежаться по домам, а я пошел к Игорю Георгиевичу. Утром он просил контролировать электроразведчиков, и сейчас я собрался доложить, что это сделал и бригада работала нормально. Если не считать потери одного заземления, вместо которого пришлось использовать шоферскую монтировку. Игорь Георгиевич меня выслушал, кивнул головой:

"Для первого дня нормально. Думаю, пойдет дело у Сергея. Парень соображающий, вон как монтировку догадался к делу пристроить," – и дальше подтвердил то, что Леня обещал на завтрашний день, – "В поле не собирайтесь, Со Славой будем прощаться."

И на этой грустной ноте мы расстались.

Важные улики

Вечером я рыхлил землю в огороде, где пробивались на свет ростки огурцов. Отсюда не было видно, что происходит на крыльце и возле него, но услышал, как кто-то пришел. Причем по звуку шагов определенно женщина, но не жена. Решил, что ее подруга, в гости, и даже не поднялся посмотреть кто. Ковырялся в земле, пока меня не позвали. Вымыл руки, прошел в дом и за столом увидел Наташу. Жена кивнула на нее:

"К тебе пришла, послушай что говорит."

Я улыбнулся: "Меня в дела женские втянуть хотите?"

Наташа в ответ не улыбнулась и ответила серьезно:

"Нет, Юрий Васильевич! Женские дела вас точно мало трогают. Здесь другое: я в комнате у Валеры убиралась, и совсем случайно во дворе штуковину железную нашла, в тряпку завернутую," – и замолчала, продолжая смотреть мне в лицо.

«И что за штука?» – нарушил я затянувшуюся паузу.

"Прут, а на нем есть кровь. И на тряпке тоже есть."

Неужели орудие недавнего убийства? – мелькнула мысль. Но ее сразу же из сознания вытеснила другая: не мог Валера убить. Ну не мог, и все. Считайте это убеждение чем угодно – телепатией, предвидением, подсказанным свыше, но убежденность мою в невинности Валеры мог разрушить только

он сам, собственным признанием.

Чтобы там ни было, а окровавленная железка в доме официально подозреваемого в убийстве значила многое, может быть и очень важное. Конечно, оставить без внимания услышанное я не мог, и тут же, стараясь скрыть любопытство показной серьезностью, предложил:

"Пойдем, покажешь," – и поинтересовался, – "Надеюсь, руками ее не лапала?"

"Нет," – ответила женщина вставая, – "только дотронулась, кровь увидела и сразу положила назад."

"А мне с вами можно?" – жена тоже хотела приключений. Обернулся к ней – непередаваемое любопытство излучалось казалось всем: выражением лица, взглядом, на мгновение застывшими в умоляющих жестах руках и даже ногах. Отказаться не мог, но предупредил:

"Только никому не болтать!"

Жена с облегчением вздохнула и молча поспешила за нами. С женщинами быстро не побежишь, и я сознательно уменьшал шаг, стараясь не выскакивать вперед и не превращаться в лидера гонки. Так молча дошагали до строения, где недавно жила молодая супружеская пара, из-за которой партия больше десяти дней стоит, как говорится, "на ушах".

Перед входом в нужную половину дома – небольшой огородик за низеньким штакетником. Видно, что землю копать начали, да так и не кончили. Понятно, не до огорода Валере было.

За калиткой Наташа направилась в дальний угол двора, где я заметил яму для слива, куда попадает вода после мытья полов, посуды, душа, и откуда она быстро уходит в суглинок без остатка.

Вот к такому отстойнику мы сейчас подошли, и я увидел, что яма неглубокая и небольшая, сверху прикрыта двумя сбитыми досками с вырезанной в середине дырой. В нее все и выливается. А перед ямой на земле уложены три коротких доски. Если понадобится, поставить ведро или еще что на них, а не на землю.

Я подумал, что железку Наташа обнаружила в самой яме, но тут же в этом усомнился: оперативник-то все облазил, не мог он туда не заглянуть. А Наташа, подойдя к лежащим на земле доскам, остановилась и показала рукой на среднюю:

"Под ней все лежит!"

Я присел на корточки, внимательно осмотрел доски, потрогал их рукой. Две крайние явно не поднимались – лежат плотно, в земле утоплены до самого верха. Средняя из земли немного выступает, может быть и потревожена. Ее я слегка пошатал – да, немного есть свободного хода, вроде как лежит на камушке. Обернулся к женщинам, на их глазах пошатал ее сильнее:

"Так было?"

Обе с таким любопытством на меня смотрели, что не улыбнуться я не мог. Они это заметили, мгновенно вид приняли серьезный, и Наташа ответила:

"Не совсем. Она лежала плотно, но этот вот край, ближний, немного выступал. Я за него босоножкой зацепилась и доску перевернула. Хорошо не упала, смогла удержаться."

Я подцепил доску рукой, как за нее могла зацепиться Наташа, и перевернул, вернее перекаптал на соседнюю, обнажив скрываемое под ней пространство. И не поверил глазам: на земле, вдавленный в нее, лежал электроразведочный электрод! Один такой я только вчера видел в поле, а по поводу пропажи другого ругался Сергей, новый руководитель бригады электроразведчиков!

Что это электрод, я не ошибался. Тот же утолщенный и обмотанный изоляцией один конец – вроде ручки, за которую удобно из земли выдергивать; тот же заостренный другой конец, который в землю забивают, и та же подножка в виде приваренного под прямым углом отрезка арматуры, чтобы ногой загонять электрод в землю. И даже короткий обрывок примотанного к нему электропровода.

Этот ли пропал у электроразведчиков или не этот – я конечно уверен не был. Но узнать не сложно: тот из рабочих, кто забивал его в землю, по приметам опознает без труда. Длина железки с метр, и понятно, что убить ею человека легко, особенно спящего. Прямо идеальное оружие, острое и с удобной ручкой.

Но еще больше меня удивила тряпка, в которую часть электрода была замотана. Приглядевшись повнимательнее, заметил вначале на ней, а потом и на заостренном конце же-

лезки мазки крови. Вспомнил свою находку в степи, когда искал там орудие убийства – тоже тряпка и тоже с кровью. И очень похожа на эту, что сейчас передо мной.

Хотелось перевернуть остальные доски, вдруг и под ними что-то лежит. Но все же этого не сделал, оставил для работников милиции. А мне и уже увиденного хватало хорошенько подумать.

Орудие убийства и в доме подозреваемого в преступлении – факт серьезный. А если и отпечатки пальцев сохранились – не дай бог Валеры – то все, убийство на него повесят точно. Хотя теоретически отпечатки на электроде могут быть, он же в его руках бывал неоднократно. С другой стороны, убийца мог их и стереть. Нельзя длинный предмет нести к месту преступления двумя пальчиками на весу – прятать его приходилось, чтобы такую рогозину лишней никто не заметил. Может быть, чем-то и обматывать пришлось, возможно той тряпкой, что сейчас с кровью. И совсем непонятно, зачем его домой нужно было нести. А если моя находка в степи – кусок материи и тоже с кровью – имеет отношение к убийству, возникает вопрос: за-чем орудие убийства нести вначале в степь, с него часть крови стереть, и только после этого вернуть в партию и спрятать возле дома? Или в степь только тряпку с мазками крови унесли к выбросили подальше от места преступления? И зачем это? Что-то у меня ничего не сходилось.

Подумать можно попозже, а сейчас пора действовать – по-

звонить Михаилу, сообщить о находке. Я поднялся, посмотрел на заинтригованных женщин и приказал обеим:

"Будете здесь, пока не вернусь. Никуда ни шагу и никого сюда не пускать; ничего не показывать, ни о чем не говорить. Вернусь скоро."

"А сам куда?" – жена не могла отмолчаться.

"Позвоню в милицию," – ответил, уже шагая на выход к калитке.

Сейчас камералка закрыта, и я побежал в гараж, где обычно на входе в комнате диспетчера обитал сторож. Позвонил в милицию – Михаила нет, ушел домой. Позвонил на квартиру, слава богу, телефон помню с прошлого года – Михаил трубку взял. Поздоровались, и задаю вопрос, к сегодняшней находке отношения не имеющий:

"Если можно, скажи, когда парня (т.е. Валеру) выпустить думаешь?"

Услышал, как Михаил ухмыльнулся, потом чуть помедлил и вопросом же ответил:

"Так и уверен, что он невиновен?"

"Пока да!" – подтвердил я.

"Тогда завтра к обеду ждите," – ответил и сразу поинтересовался: "А почему это – "пока"?"

Я вздохнул, понимая что после моего сообщения Валеру завтра точно из милиции не отпустят:

"Пока – потому что нашлось орудие убийства."

"Где?" – Михаил отреагировал мгновенно,

"То-то и оно, что возле дома парня. Так что давай, времени не теряй, пока все цело и не заляпано."

"Проследи за всем, сейчас буду." – по голосу понятно, что адреналина у Михаила в крови я добавил.

Вернулся к ожидавшим меня женщинам.

"Тебе нужно остаться," – предупредил Наташу, и она согласно кивнула головой. "А тебе," – повернулся к жене, – "лучше уйти, если не хочешь с милицией разбираться."

Жена недовольно поморщилась, но протестовать не стала, да и Наташа ей пообещала:

"Не переживай. Я тебе потом все расскажу."

"Конечно расскажешь," – ответила ей с обидой, и тут же дала мне "убийственную" характеристику: "Из мужа клещами лишнего слова не вытянешь!"

Милицейский Уазик подъехал минут через двадцать. Вылезли трое: шофер, Михаил и мужчина с чемоданчиком в руках. Ну а дальше понятно: еще раз все вместе осмотрели место находки и сам предмет, Наташа повторила рассказ, почему она возле дома очутилась и как нашла железяку, кое-что сказал и я. После этого Михаил и Наташа зашли в дом зафиксировать услышанное на бумаге, мужчина с чемоданчиком занялся изучением места находки и самого предмета. Он все сфотографировал и пытался найти отпечатки пальцев, а я с первым моментально появившимся зевакой выступали в роли понятых.

Часа через полтора необходимые действия работники ми-

лиции завершили. Наташу Михаил отпустил, его помощник найденный предмет осторожно упаковал в полиэтиленовую пленку.

"Поедешь с нами," – оперативник кивнул мне, и все начала устраиваться в Уазике. Отъехали метров триста и шофер получил команду: "Стой, заглуши мотор." С переднего сиденья Михаил обернулся назад:

"В общем, так, Юра. Сам понимаешь – парня вашего завтра не ждите, после этого» – кивнул на упакованный электрод в руках помощника, – "никто его не отпустит. Улика – объяснять не надо, сам понимаешь".

Подобное я ожидал, потому не удивился. И кое-что успел обдумать, пока по необходимости возле находки крутился. Причем подозрения определенные появились. О них промолчать не мог:

"Улика конечно железная," – начал, глядя Михаилу в лицо, – "но почему вы эту железку раньше не нашли? Ведь все и в яме, и вокруг облазили!"

Михаил отвернулся, уселся на сиденьи нормально, пожал плечами:

"Ну не нашли, что теперь? Хорошо спрятана была. Такое случается."

"А тряпка, которую я из степи принес? Она же точно от той, в которую электрод завернут. И тоже с кровью. И как она в степи очутилась?"

Михаил снова обернулся ко мне:

"Да просто! Ветром унесло, или собаки утащили. Что, не может такого быть?"

"Может," – согласился, – "только не верю. Во-первых, ветра эти дни не было, а во-вторых, собаки из степи что-то в партию могут принести, а наоборот – не бывает!"

Михаил хмыкнул и снова отвернулся, уселся нормально. А я продолжил:

"Такое впечатление, что раньше вы этот прут и найти не могли. Не было его там, подложили позже, и сознательно!" – кивнул на помощника Михаила. – "И отпечатки пальцев на железке, вот увидите, будут Наташины, и ничьи более!"

Михаил помолчал, вздохнул и сомнения мои в некоторой мере подтвердил;

"Конечно, ясности полной нет. И предположения твои обоснованы." Обернулся ко мне еще раз, теперь с улыбкой: "Будем проверять, не переживай. А парень еще посидит, отпустить сейчас невозможно»

Поняв, что словами этими я удовлетворен, Михаил подсластил их больше: "А тебе спасибо за все! Хотя что говорю – ты же наш почти штатный сотрудник!" Это он вспомнил совместную работу, когда искали похищенную руду в прошлом году.

Я понял, что из машины можно вылезать, и спрыгнув на землю, вместо положенного – "пока, до встречи" – выдал другое:

"Не забудьте жене парня тряпку показать, может и опо-

знает!"

"А как же!" – Михаил засмеялся. "И не только ей покажем, потому как может и не опознать, у самой кое-что в пушку!" И они рванули в Мирный .

Следующий день не хочется и вспоминать. Что можно ждать от похорон, да еще молодого парня, жизнь только начавшего? Естественно ничего хорошего, кроме стресса у всех. Причем негативные эмоции накапливались и накапливались в первую очередь у членов похоронной команды, куда я конечно попал. К обеду нетерпелось снять нервное напряжение выпивкой, что мы и поспешили сделать на поминках. Народа на них пришло много, почти вся партия. Наконец все закончилось, специально выделенная машина с родственниками покойного и гробом с телом из партии выехала.

Часть 5

Кандидаты в подозреваемых

Несколько дней быстро пролетели в работе. Конечно, трагическое событие у всех в памяти оставалось, и практически не закончилось. Валера-то в милиции, да и Вера не в лучшем виде. Об их приехавших родителях и не говорю – сплошные переживания и слезы. Слава богу, общаться с ними мне не пришлось, чего не скажешь о первых руководителях партии, Павле Петровиче и Игоре Георгиевиче.

Навязчивое у меня желание провести собственное расследование крепло, а убеждение, что орудие убийства подобрали в нужное место позднее и сознательно, это желание трансформировало в прямое намерение приступить к делу.

Михаил тоже не спал – несколько раз приезжал в партию, беседовал с нужными людьми. Встретил я его один раз и в некоторой мере удовлетворил любопытство: кровь на электроде и тряпках точно Славы, а отпечатки пальцев только Наташи – оставила их, когда железку всего один раз подняла. Оба куска материи с пятнами крови хорошо совмещаются по линии отрыва, в целом представляют вырезанную ножницами часть старой рубашки, со стороны спины. А Вера как знакомую вещь тряпки не опознала – такого цвета рубаш-

ку у своего мужа она не помнила. И орудие убийства оказалось пропавшим у электроразведчиков электродом – рабочие его опознали и объяснили по каким приметам. Вот только украсть его было легко, потому что после работы, как вещи малоценные, электроды и мотки провода на ночь оставлялись в не запиравшейся прихожей kernоразбсрочной, а не заносились в само здание под замок.

Все от Михаила услышанное ни виновности Валеры, ни его непричастности к убийству не подтверждали. То-есть, официальное расследование топталось на месте. Если, конечно, Михаил от меня что-то не скрывал.

А Валера все еще в милиции, и я представляю в каком состоянии. Скоро положенный по закону максимальный срок временного задержания закончится, и повезут парня в тюрьму, в камеру предварительного заключения. Вот житуха!

Больше сидеть сложа руки я не мог. На следующий день в поле выбрал время и навестил двух канавщиков, под предлогом проверки качества работы. А заодно с мужиками поговорил по душам: что они думают о бывшем начальнике и трагедии, с ним происшедшей.

Как и предполагал, в виновности Валеры они не сомневались, хотя особо не осуждали: ревность и не на такое мужиков толкает. А Славу уважали. Толковый парень, работяг понимавший и не жадный. Никому прогулов по случаю пьянок не ставил, а наряды закрывал по божески. В общем, свой в доску.

Уважать можно и со змеей за пазухой, и я начал осторожно выведывать, как персонально каждый из коллег-рабочих к Славе относился, что говорил в его отсутствии, "за глаза". Не услышал ничего интересного. Между самими работягами – да, иногда трения возникали. Потому что вроде все вкалывали одинаково, а кубов выбрасывали количество разное – каждая канава проходится в отличных условиях, одна легче, другая сложнее, а третья – вообще без мата не обойдется. Вот эти третьи конечно недовольны и претензии свои высказывали и друг другу, и Славе. Хотя понимали, что здесь как в лотерею: повезло – попала канава легкая, не повезло – ну что делать, повезет в другой раз. И Слава вообще не при чем, канавы то задавали геологи.

Самым "невезучим" из канавщиков оказался самый молодой из них – Петро, парень 25-27 лет, приехавший специально за «деньгами». Но кроме невезения, по мнению собеседников, был с ленцой, любил полежать, курил почаще и перекуры делал подлиннее.

Я этого Петра на заметку в памяти отложил – присмотрюсь к нему повнимательней. И поинтересовался отношениями Славы с шофером и экскаваторщиком, тоже его бывшими подчиненными.

Ничего нового не услышал. Нормальные были отношения. Экскаваторщик, по их словам, вообще мужик доброты немеренной. И на вопрос почему так считают – помялись, похмыкали и прямого ответа не дали. Хороший мужик, и

все. По жизни. Но я не удовлетворился такой характеристикой и продолжал мужиков вопросами терзать, пока о причине "любви" к товарищу не узнал. Оказалось просто: при возможности, экскаваторщик канавщикам помогал, то-есть заданные им канавы начинал с поверхности проходить своим агрегатом, с ковшом емкостью чуть ли не куб. метр. А дальше они их углубляли вручную, кайлом и лопатой

Ну и кто от такой помощи откажется? Только ненормальный. Слава, конечно про эти фокусы знал, но закрывал глаза. Можно сказать, что и геологи не были в неведении, но тоже с начальством на эту тему не распространялись, считая, что по тяжести работы канавщикам нужно платить в два раза больше, чем те получали.

А вот к шоферу горного цеха, приятелю Славы, особого уважения от работяг я не почувствовал. Средний мужик, рядовой. И хуже того – жадноватый. Потому как литр бензина для пускача экскаватора не даст, пока Слава ему не прикажет. А втихаря от него мог и двадцать литров в канистру слить, для себя, а может и на продажу. В общем, деньги любит и просто так ничего не делает. Но со Славой они были приятелями, это мне канавщики подтвердили.

Ушел от мужиков с убеждением, что время потратил впустую. Ничего для меня не прояснилось, и никаких потенциальных врагов у Славы среди его подчиненных не вырисовывалось. На заметку все же двух человек взял: Петра, самого "небезучего" канавщика, и шофера, как человека с повы-

шенной страстью к деньгам и способного к поступкам вроде мелкого воровства бензина втихаря от начальника. Но это просто от безнадеги.

Дальше бегал по сопкам с фотопланом, разбираясь в геологии и о ней только думая. На постороннее головы сейчас не хватало. И так до конца рабочего дня. А по дороге домой старые мысли вернулись и покоя не давали. И что делать дальше? С кем говорить и что пытаться выяснить? Понятно, с рабочими-электроразведчиками пообщаться придется. Злосчастный электрод, которым Славу убили, проходил через их руки, возможно кто-то из посторонних интерес к нему проявлял и раньше. Хотя особо надеяться не на что, Михаил определенно все возможное у ребят вытянул. Но если чей-то интерес к электроду и выяснял, то конкретного человека пока у него не появилось. По крайней мере о таком при мне не упоминал, хотя должен был это сделать. А если подозрительного человека Михаил не выявил, то и мне электроразведчики ничего нового не скажут. Здесь остается одно – попытаться установить не тех, кого злосчастный электрод интересовал, а с кем пересекался в поле и в самой партии как бы случайно. Но достаточно, что бы понять возможность его использования как орудия убийства. То-есть, преступник видел электрод не один раз и не мельком. А следовательно, это человек из нашего партийского коллектива. Стало быть, самая безнадежная для меня версия, что Слава что-то натворил в Мирном и убийца оттуда – отпадает. В партии надо его

искать, и нигде более.

Вечером, когда домашние повседневные дела жена закончила и устроилась возле телевизора, я к ней подкатился:

«Света, не знаешь, были у Славы в партии любовницы из женщин замужних?»

Жена ответила не без возмущения:

"Ну да, у меня можно выпрашивать, что мужикам и знать не положено, а как мне, так лишнего слова не скажешь!"

Пришлось оправдываться:

"Да что говорить? Нечего! И так все всё знают, а ты больше других – ходила со мной, когда электрод Наташа нашла!"

"Ну и ходила, что из того!. Только там просто железка была, а сейчас у меня о любовном интересуешься, что в сто раз важнее!"

Пришлось потрудиться, конечно в итоге она сдалась и все, что о любовных похождениях Славы знала от подруг, выложила. Правда, без какой-либо для меня пользы, потому что о замужней женщине, как объекте домогательств со стороны бывшего горного мастера, ничего не знала.

Жену я поблагодарил, но решил поговорить на эту тему с Татьяной. Отношения у меня с этой красоткой таковы, что скрывать точно ничего не будет. А самое важное – постарше моей жены, поопытнее. И как женщина в любовных делах раскованная, любовников имеющая, наверняка знает о романтических похождениях других дам. Как члены некоего клуба по "любовным" интересам, должны же они между со-

бой делиться победами? Но Татьяна документировала керн скважин, рабочий день проводила в керноразбоочной. Пришлось разговор с ней отложить на послезавтра – день очередной камералки, для которой и я, и мои ребята уже созревали.

Утром в кабину посадил Владимира, сам устроился в салоне машины, поближе к молодежи – бригаде электроразведчиков. Это вчерашние школьники, два парня и три девушки. По тому, как расселись в салоне, сразу понятно кто с кем дружит и до какой черты дошли отношения. Две пары меня радовали полной совместимостью и раскованностью, а одну девушку, оставшуюся без друга, вначале пожалел. Пока не заметил, что Сережа, их новый руководитель, в ее сторону посматривает заинтересованно.

Понятно, что никому из ребят уносить злосчастный электрод и тем более превращать его в орудие убийства оснований не было. Да и не смогли они этого сделать, просто по своей молодости, неопытности и пока неиспорченности. Начал расспрашивать: кто, откуда, почему в партию приехали. Типичные молодые романтики. По опыту знаю, что ее, этой романтики, обычно хватает на один полевой сезон, и на второй редко кто возвращается. Хотя есть и такие, чаще девушки – переходят из разряда рабочих сезонных в работников постоянных геологического цеха, как жены наших техников, а иногда и инженеров.

По дороге на участок о пропавшем электроде и интересе к

нему кого бы ни было со стороны я говорить не стал, слишком много людей сидело лишних. Дождался, когда электро-разведчиков привезли на место, и вместе с ними выгрузился из машины. Здесь и отвлек от дел минут на двадцать. Как только об электроде заикнулся, все в один голос: да мы менту уже рассказывали, замучил вопросами! Я успокоил: повторять не надо, мне другое – кто к ним приходил в поле просто поболтать, или перекусить; или в машину садился подъехать. Девчата и ребята повспоминали, поспорили, кое о чем рассказали. И подозрительными для меня из услышенного были три случая.

Первый. Петро, самый невезучий канавщик, приходил к ним на профиль. Немного прошелся, посмотрел как и чем молодежь занимается, и попросился еще у Валеры в бригаду. Надоело мол, копать канавы. Валера конечно отказал – у него в бригаде полный комплект, да и к молодым ребятам и девчатам добавлять взрослого мужика с образованием в пять классов совсем ни к чему.

Второй. Однажды с поля возвращались вместе с буровиками в их машине-вахтовке. Один из мужиков подходил к загруженным в машину моткам провода, электродам. Потом сел рядом и что-то в них рассматривал. Но все молча. Я приметы буровика расспросил, сразу же представил кем он мог быть; наметил для себя в свое время им заняться.

Третий. Однажды у Славы в середине рабочего дня попросили машину горного цеха перевезти оборудование на

другой конец участка. Шофер возмутился: "Не его это дело, электриков возлить!" Но Слава приказал, пришлось ехать. А на месте злой шофер вдруг вздумал помогать – вылез из кабины и перенес в салон моток провода вместе с присоединенным к нему электродом. Но сделал это молча, и вроде ничего заинтересованно не рассматривал.

И еще. Специально узнал, что про эти три случая молодежь оперативнику не говорила, потому что так вот, как я, он и не спрашивал.

Разговор с электроразведчиками я вспоминал в течении дня несколько раз, пока бегал в одиночестве по сопкам и зарисовывал на фотоплане все, что замечал под ногами и вокруг. И недавняя беседа с рабочими-канавщиками каждый раз в памяти всплывала, потому что в ней имя "невезучего" Петра, и шофера машины горной службы упоминались с налетом некоего негатива. Но если этот негатив в первом случае только теоретически мог иметь отношение к Славе, то из сегодняшнего разговора можно было предположить возможный интерес этих же лиц к электроразведочному оборудованию, а стало быть, и к злополучному электроду.

Конечно, пока все у меня на уровне домыслов и предположений, никаких фактов даже косвенных. Но рейтинги "невезучего" Петра, и шофера как лиц, к трагическому событию имеющих отношение, у меня удвоился. Еще и третий человек появился, буровик. Пока оборудованием электроразведки только заинтересованный. Теперь нужно узнать, мог ли он

както столкнуться со Славой.

Фамилию, имя и отчество подозрительного буровика я установил в этот же день. Когда с поля вернулись в партию, зашел к начальнику бурового цеха и он по описанию сразу подчиненного назвал: Бурков Трофим Сергеевич, помощник бурового мастера. И поинтересовался, что он у меня натворил. Пришлось соврать и успокоить: ничего, просто неудобно здороваться с человеком, не зная его имени.

На следующий день, в пятницу, всей группой устроили камеральный день. За неделю набегались, насмотрелись, и пора пришла увиденное обдумать, ценное выделить и закрепить на фотопланах. Ребята устроились на своих местах за столами, а я пошел в керноразборочную, надеясь застать там Татьяну. Еще издали улыбается и поднимается навстречу:

"Здравствуйте Юрий Васильевич! Наконец-то решили навестить, нас порадовать, и тоску разогнать!"

В помещении кроме Татьяны еще две женщины. От дел оторвались, обернулись в мою сторону.

"Какая тоска у вас может быть, молодых и красивых?" – с улыбкой разговор я поддержал.

"Не скажите!" – возразила Татьяна, – "Если я вас утром не увижу – у меня из рук весь день все валится!"

"Вы хоть на пять минут к нам забегайте!" – поддержала ее одна из присутствующих.

"Начну исправляться," – пообещал всем, и уже для Татьяны: "Прямо с тебя и начну! Поговорить надо, посекретни-

чать. Может прогуляемся, минут пятнадцать?"

"Счастью своему не верю!" – Татьяна тут же подцепила меня под ручку, оглянулась на женщин с выражением на лице полного превосходства, и потащила на выход. Пришлось метров двадцать до ближайшей скамейки возле "Места для курения" пройти. Присели.

"И о чем говорить будем?" – поинтересовалась женщина, – "Надеюсь о приятном?"

"Это как посмотреть," – я не был уверен, что тема разговора Татьяне понравится, – "но любовь присутствовать будет точно."

И видя, что слушать уже готова, начал:

"Дело щекотливое, кое-что узнать мне нужно точно. Пробовал с женой говорить – бесполезно. Одна ты можешь помочь."

"Ради бога, не тяни, как кота за хвост!" – Татьяну я заинтриговал определенно. Перешел к делу:

"Мне нужно знать, была ли у Славы любовница в партии, из замужних женщин. Кроме Веры, конечно.»

"Танечка, очень нужно! Не хочешь же ты, чтобы невинный мужик в тюрьму сел!"

«Ну и желание у тебя!" – удивленно начала, и уверенно продолжила, – "Это такое дело, что никто вокруг знать не должен! И даже предполагать!"

"Не хочу конечно!" – ответила, и задумалась. Я тоже молчал. Так вот и сидели с минуту, глядя под ноги. Потом Та-

Татьяна все же решилась:

"Надеюсь, между нами и останется."

Я тут же кивнул головой, подтверждая согласие.

"Был у Славы роман, с Валентиной Горюновой. Недавно совсем, после нового года. Но быстро кончился."

Женщина была женой бурового мастера, парня видного. В роман я сразу поверить не мог, и решил уточнить:

"Откуда знаешь?"

Татьяна посмотрела мне в лицо:

"Валентина и рассказала. Сам знаешь, что мы подруги, кое-чем о личном делимся."

"О делах любовных?" – я улыбнулся.

"О них, радость моя!" – потрепала мне волосы, – "Только если проболтаешься – все, останется покончить жизнь самоубийством!"

"Можешь не волноваться. Нем как рыба не буду, но об этом разговоре не узнает никто," – поспешил успокоить, – "Только если муж Валентины о романе догадался, удивляться всему, что со Славой произошло, не стоит."

"Да, муж у нее ревнивец жуткий," – согласилась Татьяна, и со вздохом добавила, – "Мужу не ревновать нужно, а работать больше! Тогда и любовников жены искать не будут!"

Из последней фразы я не все понял и попытался уточнить:
"Как это работать больше?"

Танечка засмеялась: "Не как, а чем! Если не знаешь, то просвещаю: местом, что у мужиков примерно там, где руки

кончаются!"

С этим, конечно, было трудно не согласиться. Поэтому я со смешком поддакнул, но тему "работы" развивать не стал, зная что женщина этого только и ждет. И как бы не пришлось оправдываться из-за отсутствия намерения "поработать" именно с ней.

"Танечка," – ласково начал, – "без тебя у меня ничего не получится."

Продолжить не успел:

"Да я всегда готова!" – бодро перебила, – "Приди и возьми, только рада буду!" Еще раз потрепала меня по голове: "И считай в раю побываешь!"

Ну девка! Ну слов нет! Ну надо же так мужика добиваться! И осуждать грех – хочет-то меня, никого там другого!

Я, конечно, принял вид довольного услышанным идиота, но надежду женщины чуть остудил:

"Этот рай отложим на попозже. Сейчас мне другое нужно: муж подруги твоей, Валентины, знает о ее романе? И вообще, как у них отношения сейчас – ругаются, не ругаются, собираются разбежаться или наоборот сплошная любовь. То есть, что у них в отношениях произошло с нового года, с начала романа Валентины и Славы. Пожалуйста помоги, пораспрашивай подругу. Только что бы она ни о чем не догадалась."

Татьяна вздохнула:

"Что для любимого мужчины не сделаешь?" И эти слова

я понял как согласие помочь.

Вернувшись в комнату на рабочее место, я достал пикетажку и на одной из последних страниц написал три фамилии:

Петр Спиридонов – канавщик.

Бурков Трофим Сергеевич – помощник бурового мастера.

Горюнов – буровой мастер.

Пришлось вставать и идти к буровикам, узнавать инициалы Горюнова. Оказался Вадимом Николаевичем. И чтобы довести дело до конца, пробежался в гараж и написал в пикетажке еще одну фамилию: Коваленко Алексей, шофер горного цеха и бывший приятель Славы, возивший не так давно геологов к карьере с красивыми и ценными камнями.

Часть 6

Суждение друзей о последствиях любовных страстей не прибавило подозреваемых в преступлении

Свою специальность геолога я не просто люблю. Обожаю! Мне в радость и в поле бегать, разбираться в камнях, прослеживать горизонты пород, интрузии, разломы; прокручивать в голове множество вариантов возможных взаимоотношений этих объектов и выбирать из них наиболее реальный, максимально приближенный к действительности. И то же в камералке: еще раз увиденное в поле обдумать, что-то принять как реальное, кое в чем усомниться. И вместе с коллегами обсудив представления каждого по деталям строения площади, согласовать наши дальнейшие действия в одном, всеми признанном и одобренном направлении. Чтобы не получилось, как в басне "однажды лебедь рак да щука".

Таким согласованием действий мы почти до обеденного перерыва и занимались. Конечно со спорами, повышением голоса и некими обидами. Каждый защищал свое, не всегда остальными признаваемое, но от чего отказаться было не просто. Потихоньку к единому варианту дальнейших дей-

ствий все же пришли.

Споры закончили, от моего стола, где стояли над фото-планами и картами, разошлись по своим местам. Расслабились, напряжение на лицах сменилось улыбками, Владимир и Паша, как курящие, полезли за сигаретами.

"Курите здесь", – предложил Леня, – "все равно скоро на обед пойдем".

Владимир глянул на меня: "Можно?"

Я махнул рукой – курите. Ребята закурили. Леня за столом со стула поднялся, очень смачно и с подвыванием потянулся; посмотрел в окно, возле которого сидел и спросил, даже не глянув в мою сторону:

"О чем это ты с Татьяной секретничал? Смотри, жена увидит, получишь на орехи!"

Владимир и Паша моментально обернулись в мою сторону, ждали, что скажу в ответ. А я удивился: чихнуть рядом с женщиной нельзя, в момент все об этом узнают! И выводы сделают одинаковые: шуры-муры между ними, любовные или около того. Поэтому наблюдательному Лене не ответил, а вопрос задал:

"Ты лучше скажи, кем Верочку сейчас, когда из милиции выпустили, считаешь. Подозреваемой или просто дурой-бабой?"

Леня по привычке хмыкнул, от окна обернулся ко мне: "Что она дура – это точно. Все бабы такие. А подозревать – не подозревать, дело личное. Я – так подозреваю. Ну не в

убийстве, а в том, что отношение к нему имеет. А раз у нее подписку о невыезде взяли, значит не один я такой."

Понял, что убеждений своих Леня изменил не намного. Вздохнул погромче, показав этим сожаление по поводу услышенного, и подтвердил его, обращаясь теперь к Владимиру и Паше:

"И вы про Веру такое же думаете, а Валерку так за убийцу и держите!"

"А что другое думать?" – удивился Владимир, – "Парень в милиции сидит, там зря не держат!"

"Неужели верите, что мог убить, этот размазня, херувим и вообще ни на что решительное не способный? Вы же рядом с ним жили, знаете, как облупленного!"

"А что, мог и замочить, из ревности!" – Владимир как и Леня тверд в своем убеждении.

В сердцах я не выдержал:

"По вашему, и я могу убить?"

Мужики устали на меня, как удавы на лягушку и молчали. А я ждал ответа, и смотрел на них, почти как тот же удав. Наконец Владимир решил:

"За свою жену-красавицу любого убьешь, и не поморщишься! Ты хоть вида не подаешь и ведешь себя как мужик твердый, не сентиментальный, а любишь ее как ненормальный! Мы то знаем!" _

Вот это да! Как ведро ледяной воды на голову вылили! Ладно, насчет отношения к жене они правы, обожаю и про-

сто не представляю, как бы существовал без нее. Но чтобы кого-то убить? Никогда! Счастья любимой нужно желать всегда, даже если она от тебя уходит к другому. И никакая любовь не перевешивает жизнь человеческую!

"Зря обо мне так думаете," – ответил Владимиру, взглядом обвел Пашу и Леню, – "И вы тоже зря. Знаю, что иногда слишком и резкий, и твердый, и возражений не терплю. Но убить – никогда, если, конечно, не преступника. Потому что прежде себя убьешь, душу свою!"

После моих слов все по крайней мере зашевелились, а не остались застывшими истуканами. Владимир даже улыбнулся и ответил спокойно, без напряжения:

"Приятно слышать. Только во всех случаях я бы тебя не осуждал. Да и сейчас Валеру не осуждаю, если действительно он убил. Ну поехала крыша у человека, и причина для этого уважительная."

"Если это Валера, то не того убил," – не смог промолчать Леня, – "Бабу надо было мочить. Она во всем виновата, с нее и спрос весь."

Такое мнение даже Пашу возмутило, потому что обычно все молча слушавший, теперь и он голос подал:

"Да ладно вам! Один – мужика убить, другой – бабу замочить! Не надо ни того, ни другого! А если случилось, как у нас, то настоящего убийцу надо найти, пусть и отвечает. Сам знал, на что идет!"

Все замолчали и занялись делами. Я уставился в пикетаж-

ку, просматривая последние записи. Но только что закончившийся разговор с ребятами из сознания не уходил, и вывод из него складывался один: друзья мои во всем, что касается расследования убийства, доверяют милиции и принимают все ее решения как должное и доказанное. То-есть, в поисках настоящего преступника мне не помощники.

Вскоре разошлись на обеденный перерыв. А когда вернулся в камералку, первым делом заскочил к нашему геофизику, тоже Владимиру. Тем для разговоров с ним всегда достаточно, сейчас заговорил об электроразведке: когда планируют закончить, как идет обработка результатов, когда надеется выдать первую рабочую карту. И между делом выпытал, что электроразведчики работу начали 25 апреля, а до этого все их оборудование, в том числе и злополучный электрод, хранилось в его комнате. Следовательно, никто посторонний видеть его до 25 числа не мог.

Уже чуть-чуть теплее. Прямо от Владимира побежал в kernоразборочную, сегодня второй раз. Для вида просмотрел kern, ответил документаторам на вопросы, подсказал как и что должны отметить обязательно. А заодно разузнал, кто из буровиков этот kern в помещение заносил, когда его привозили с буровых с 25 апреля и по 8 мая. И не заходил ли кто-либо из них сюда в эти дни просто поболтать, без дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.